

Михаил Прядухин

**В тени больших
вишневых деревьев**

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Михаил Прядухин

**В тени больших
вишневых деревьев**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Прядухин М. Л.

В тени больших вишневых деревьев / М. Л. Прядухин —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Книга рассказывает о войне в Афганистане глазами рядового срочной службы, простого парня, волею судьбы попавшего туда. О том, как он столкнулся с реальностью войны, и как его наивный детский мир рухнул, столкнувшись с ней. Содержит нецензурную брань.

© Прядухин М. Л., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Михаил Прядухин

В тени больших вишневых деревьев

Михаил Прядухин

В тени больших вишневых деревьев.

Краснодар

«Новация»

2019

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

П 85

Прядухин Михаил

П
85

В тени больших вишневых деревьев / М.Л. Прядухин. – Краснодар: Новация, 2019. – 272 с.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

© Прядухин М.Л., 2019

Глава I

Была ранняя весна, был ночной звонок, слова, прозвучавшие

в ночи: «Серый, ты крепись... Мать умерла...» Потом были ночные сборы и поездка в родную станицу. Потом был гроб с телом матери, которую он поначалу даже не узнал, так сильно исказили черты ее лица холодные лапы смерти.

Он ходил бездумно по улице, зябко пожимая плечами. Про-мозглая, сырая ранняя весна все время забиралась к нему под тоненькую куртку. Он увидел старенький забор и вспомнил, что когда-то, давно-давно, возле него стояла лавочка, которая по весне пряталась под тенью больших вишневых деревьев...

И вспомнилось, как всей улицей по вечерам собирались на ней гоп-компанией, веселясь новой весне и своей юности, как они ее удлиннили, потому как уже не хватало места для всех

желающих. Он вспомнил, как сидел на ней в последний вечер, перед тем как отправиться в армию. Вспомнил и то, что там,

в Афгане, с ним в мыслях почему-то всегда была эта лавочка, укрытая тенью больших вишневых деревьев, и мама, которая, выйдя поздно вечером на улицу, звала его:

– Сергей! Иди домой! Завтра рано вставать в школу.

А он, затушив бычок о край лавочки, кричал из темноты в весенний теплый, наполненный ароматом цветущих деревьев воздух:

– Ша, ма, иду!

Теперь не было ни деревьев, ни лавочки, ни мамы...

Когда он вернулся из Афганистана, то еще почти год кричал по ночам, но только уже не: «Ша, ма, иду!». Это уже были со-всем другие крики, в которых и в помине не было той беспечности и радости жизни. На них из его спальни прибежала мама

и тревожно спрашивала:

– Что случилось, сынок?

А он, проснувшись от своего крика, отвечал:

– Да все нормально... Иди спать, мам. Она его поначалу спрашивала:

– Ты хоть что-нибудь расскажи, Сережа. Что там было? Но он отмалчивался или переводил разговор на другую

тему. Поняв, что ничего от него не добьется, мама больше не тревожила его своими расспросами.

3

Теперь ее не стало... Так Сергей ей ничего и не рассказал... Уже прошло тридцать лет с тех пор, как он вернулся из Аф-гана – целая жизнь. И время, великий лекарь, незаметно, день за днем, затянуло раны в душе Пожидаева, а из памяти стерло многие лица и имена. И уже не снятся сны, которые долгие годы преследовали Сергея, в которых его вновь и вновь забирали в армию, а он доказывал всем, что уже хапнул своего с избыт-ком. Но ему не верили и все равно везли в БТРе по бетонке в 12-й Гвардейский мотострелковый полк. И он просыпался по-среди ночи в холодном поту, а потом, осознав, что это всего

лишь сон, и успокоившись, засыпал снова...

БТР несся по бетонке в 12-й Гвардейский мотострелковый полк, что в восемнадцати километрах от Герата. Восемь неза-висимых колес существенно сглаживали неровности дороги, и на большой скорости машину раскачивало, как катер на волнах.

Сергея на броню не пустили – еще не по ранжиру, и он на-блюдал открывающийся ему пейзаж сквозь узкую створку бойницы.

Повсюду была терракотовая, солнцем выжженная земля, усыпанная острыми камнями. И если бы не одинокие, засох-шие, то тут, то там торчащие из земли верблюжьи колючки, то можно было подумать, что машина едет по поверхности Марса. Вздвигающиеся со всех сторон красно-коричневые сопки тоже наводили на эти мысли, а лежащие сплошь и рядом по обочинам дороги сгоревшие остовы различной военной техники и еще чего-то добавляли эффект прошедшей звездной войны.

На место постоянной дислокации полка они приехали после отбоя, и сопровождающий молодых солдат прапорщик повел их в палатку карантина. Показав им кровати, он испарился не-надолго, чтобы появиться с термосом для пищи в одной руке

и коробкой в другой. В бачке оказалась толченая картошка, заправленная комбижиром, вперемешку с черными глазками, а в коробке – килька в томатном соусе и хлеб.

Сергей толком не ел уже почитай как две недели, а горячую пищу принимал последний раз еще в учебке.

4

Да... Тридцать лет прошло с тех пор, но ему никогда не за-быть вкус той картошки и кильки в томате. Ничего вкуснее он не ел ни до этого, ни после.

В палатке карантина, стоящей особняком от расположения войск, ежедневно происходило паломничество из всех подраз-делений полка – искали земляков.

На второй день пребывания Сергея в карантине вечером в палатку зашел высокий, широкий в плечах, красивый парень. Сильно бросалось в глаза и то, что он выглядел гораздо старше всех остальных. Его звали Саша Антонов. Он был из Кропот-кина Краснодарского края. Но все равно это считалось, что из Краснодара. Да и вообще, будь ты хоть из Белой Глины, что на окраине края, все равно ты – «Краснодар». Уже позже Сергей узнал, что за избиение офицера его выгнали с четвертого курса военного училища. Чуть-чуть не сев в тюрьму, Саша попал в качестве наказания в Афган в пехоту срочником и в звании рядового.

– Есть кто из Краснодара? – спросил он.

– Да, – ответил Пожидаев и встал с кровати.

– Надо же, два года отслужил – ни одного земляка, а тут вот-вот домой, на дембель – и нате, земляк. А откуда конкретно?

– Из Динской.

– А я из Кропоткина, – и, зная проблему молодых солдат, добавил: – Хавать хочешь?

– Угу, – промычал Сергей.

– Тогда пойдем ко мне в роту...

В 7-й роте, куда привел Пожидаева земляк, по тому, как с ним разговаривали сослуживцы, было видно, что Саша в авторитете. Угостив Сергея всякими «ништjаками» из магазина

и поговорив, в общем-то, ни о чем, земляк спросил:

– План куришь?

– Конечно, – ответил тот и заулыбался.

Дело в том, что Пожидаев не был пай-мальчиком и курил план уже с восьмого класса. Хотя в те времена в СССР мало вообще кто употреблял наркотики, кроме союзных азиатских республик. И только Краснодарский край грешил этим. Ан-тонов достал плюху чарса¹ и, разогрев ее зажигалкой, стал кропать.

1

Чарс

–

гашиш.

5

– Со дня на день я на гражданку, – продолжил он разговор, –

и поэтому поддержку тебе дать не смогу. Но запомни главное: никогда не позволяй себя унижить. Никогда не стирай чьи-либо носки или хэбэ, не бегай за сигаретами и не носи пайку дембелям или еще что-то подобное. Шуршать все равно тебе придется первые полгода, и пиз... й не раз будешь выхватывать, но главное – держи марку. Если упадешь, обратно подняться будет практически невозможно. За оружие не хватайся – могут забить до смерти, а если уж взял автомат в руки, то делай красиво. Своим по призыву вообще ни в чем не уступай: если убирать в палатке, то вместе; таскать снаряды – тоже, ну и все остальное – в том же духе.

Серый сидел и слушал, открыв рот. Он никак не мог понять, о чем это Саня говорит. Ведь война вокруг, а он такое плетет. У него было ощущение, что он на зоне, а авторитет ему рисует, что почем – хоккей с мячом.

– И запомни еще: как бы ни было тяжело, никогда не стучи шакалам¹. Если стуканешь, заморят², и не вариант будет вы-лезти. Трудно будет первые полгода, потом полегче. Трудно, но не смертельно. Не ты первый, и не ты последний. Ладно, пойдем в курилку хапнем.

Это был первый и последний разговор Саши Антонова с Пожидаевым. Через день тот улетел в Союз. Много потом будет встреч, знакомств, многих Сергей возненавидит, со многими будет делить свой хлеб, с некоторыми хватанет фунт лиха, но время сотрет их имена и лица.

Тридцать лет прошло с тех пор, но Сергей прекрасно запомнил и имя, и фамилию земляка. И помнит его лицо, как будто видел его вчера. Трудно сказать, почему Пожидаев так хорошо запомнил человека, которого видел в первый и последний раз в своей жизни, ведь наша память порою сохраняет людей

и ситуации, которые ничего для нас не значат. Хотя, может быть, он просто произвел впечатление на Сергея? А может, просто это наставление земляка очень помогло ему прожить эти полтора года.

1

Шакал

–

офицер.

2

Чморить

–

физически и морально унижать человека.

6

Косяк курили вчетвером, и, когда он пошел по второму кругу, Саня сказал Серому:

– Придержи коней, зема. С тебя хватит. Это тебе не красно-дарский бутор.

Впрочем, Сергей и сам это понял. Он никак не мог откашляться и уже чувствовал, что поплыл. Затем они сидели в палатке 7-й роты. Антонов о чем-то оживленно говорил со своими бойцами, периодически смеясь, говорил и с ним, но Серый ничего не понимал и лишь только глупо улыбался. Вообще-то, ему было не до смеха и не до разговоров. Он выхватил «жесткий глюк»: как что-то или кто-то ползал у него по затылку, какая-то зараза, и наводила ужас, представляясь то пауком, то какой-то сколопендрой... Едва он начинал подносить руку к затылку, как эта тварь сразу куда-то исчезала. Лишь только он убирал руку, она тут же возвращалась. Через некоторое время бойцы заметили телодвижения Сергея, и Саша заинтересовался:

– Что с тобой? Все нормально?

– Да какая-то хрень у меня по затылку ползает. Посмотри, что там, Саша? – еле отлепив язык от неба и стараясь сохранить спокойствие, чтобы не упасть лицом в грязь, севшим голосом сказал Пожидаев.

Тут же он вышел в проход между кроватями на свет и по-вернулся к бойцам спиной. Вместо ответа Сергей услышал грохот смеха и понял: это глюк.

– Ладно, тебе нужно возвращаться в расположение, – успокоившись от смеха, сказал Антонов. – Дорогу найдешь сам?

– Найду, – ответил пересохшим ртом Сергей и, попрощавшись со всеми, вышел на улицу.

– Я на днях еще заскочу, пообщаемся! – услышал вдогонку Пожидаев.

Выйдя, он тут же пожалел о своем ответе, что сам найдет дорогу. Было около двенадцати часов ночи, отбой труба пропела два часа назад, и в расположении полка была сплошная тьма. Он понятия не имел, в какую сторону идти, но возвращаться

в палатку и просить помощи, чтобы провели, было в западло. И он пошел...

Все палатки, а тем более ночью, похожи как две капли воды друг на друга. Как найти среди них свою – вот в чем вопрос. Но

7

и это как-то можно было решить, если бы не сильное наркоти-ческое опьянение Сергея плюс полное отсутствие ориентации в палаточном городке...

Прошло около двух часов, но Пожидаеву казалось, что веч-ность, а результат поиска палатки карантина – ноль. Пару раз он набредал на КПП, потому как тот был хорошо освещен, но подходить близко не решался, боясь нарваться на офицера. Несколько раз выплывал возле дневальных под грибками, а они ради хохмы его специально дезориентировали, направляя в противоположную от палатки карантина сторону. Правда, было пару счастливых моментов, когда Сергей по всем при-метам определял, что это его вотчина, но и тут он терпел полное фиаско. Войдя в палатку, которая, как ему думалось, его, он радостно на ощупь, видя лишь очертания скелетов кроватей, крался к своей, но, к глубокому своему сожалению, обнаруживал чье-то мирно храпящее тело. И радость менялась отчаянием. Таким же макарон он тихо вылезал обратно наружу, кляня себя за то, что «накурился как удав». В конце концов, окончательно разочаровавшись в своей исследовательской экспедиции, он сел на гильзу из-под сна-ряда возле какой-то палатки и стал дожидаться утра. Примерно через час или около того из нее выскочил боец, спешащий до ветру, и хотел уже бежать дальше, но тут, заметив в темноте силуэт Сергея, на секунду замер, а потом спросил:

– Серый, а что ты сидишь на улице? Что-то случилось? Этот вопрос, как невидимая рука маэстро, прошелся по

струнам души Пожидаева, и в его сердце зазвучала прекрасная мелодия под названием «Спасен». Вот только она имела одну неприятную нотку – понимание того, что он уже целый час сидит возле своей палатки. И, не ответив на вопрос, он тут же исчез внутри ее, оставив в полном недоумении бойца.

На утреннем разводе рота РМО1 была построена абсолют-но вразной. Причиной тому было то, что при построении личного состава учитывался не рост, а срок службы. Впереди

1

РМО

–

рота материального обеспечения.

8

стояли чижи¹, и вид был у них, мягко говоря, не очень. Юные лица солдат были несвойственно серы, и усталость в их глазах соперничала с какой-то затравленностью. У многих из них уши походили на вареники И не надо было быть медиком, чтобы понять, что они сломаны. Почти у каждого на лице были синяки

и кровавые трещины на губах, говорящие о том, что их бьют. И бьют, нисколько не пытаясь этого скрыть.

Это шокировало Сергея. Вечером, когда его привели в роту, он при тусклом свете в палатке не заметил ничего необычного

и теперь удивленно таращился на молодых бойцов, пытаясь сложить пазлы в своем сознании. А они никак не состыко-вывались в его наивном мышлении, сформированном в тени больших вишен. Война и жуткая дедовщина упорно не хотели соединиться в единую картинку. К тому же еще один пазл вы-падал из нее – офицеры. Ведь даже слепой на ощупь определил бы, что в роте идет ежедневное избивание молодых солдат, а они как ни в чем не бывало стояли на разводе и даже подтрунивали над печальным видом чижей. В голове у Сереги произошла революция в понимании войны, о которой он читал когда-то в книжках, где боевое братство красной нитью проходило через любую, даже самую заваливающую повесть о ней. После утреннего развода в картинке «Война» пазл «Боевое братство» ушел в не-бытие и заменился на два, в сущности, противоположных по смыслу: «Дедовщина» и «Землячество». С одним из них ему придется познакомиться, так сказать, непосредственно уже вечером этого дня.

Вечером после курса молодого бойца в качестве повара Серега вернулся в палатку из столовой и, еле стоя на ногах от усталости, направился к своей кровати. Проходя в полумраке между пальмами², он уперся в чью-то ногу. Это вернувшийся дедушка, водитель наливника³, вытянул ее в продол⁴.

1

Чиж

–

молодой солдат,
отслуживший менее года.

2 *Пальма* – двухъярусная кровать.

3 *Наливник* – грузовая машина, оснащенная бочкой для перевозки топлива. 4 *Продол* – проход между рядами кроватей.

9

– А какого х... чужи шастают после отбоя? Что тут произо-шло, пока меня не было? Земля с оси сошла, что ли? – задал он вопрос, скорее всего, окружающим, чем Сергею.

– Да это поваренок вчера вечером только прибыл, – ответил лежащий рядом на кровати солдат, выпуская в полумрак сига-ретный дым изо рта.

– Хоть одна добрая весть, как приехал с рейса, – ответил дедушка и убрал ногу. – Иди ложись. И чтоб через пять минут умер, – в приказном тоне сказал он Пожидаеву, хотя был рядовым, как успел заметить Сергей.

Пожидаев на тот момент еще не знал, что повара в полку – это привилегированная каста. Причиной тому было скудное питание всех солдат без исключения, невзирая на срок службы, звание и боевые заслуги, а чужи – так те вообще голодали. Поэтому шкурный интерес старослужащих – пара-тройка ба-нок тушенки или сгущённого молока, оказавшиеся на вечернем столе под чаек или брагу, – делал поваров неприкасаемыми.

Для воинов-интернационалистов были предусмотрены по-вышенные нормы обеспечения продуктами, но по факту их катастрофически не хватало. Причиной этому было банальное воровство вначале в Союзе, потом – на базе в дивизии, далее – в полку. Прапорщики и офицеры творили вакханалию на продуктовом складе, и в конце пищевой цепочки повара растаскивали все, что осталось. В результате чего, к примеру, вместо положенных тридцати килограммов тушенки в котел летело только пять, лишь слегка придавая кирзухе¹ аромат мяса и превращая ее в постную, малосъедобную кашу, кото-рая после обеда, абсолютно нетронутая солдатской ложкой, вываливалась в помойку из бачков застывшими болванками, удивительно похожими на головки сыра. Далее все эти отходы выносились нарядом по столовой в арык, который был метрах

в пятистах от полка, создавая рассадник для мух, коих было

в части немислимое количество. Участь тушенки поджидала все более-менее ценные продукты, и в столовую дедушки с дембелями практически не ходили, а мутили свое, добывая хлеб насущный на продовольственных складах, в магазинах военторга и у местного народонаселения.

1

Кирзуха

–

каша из ячневой крупы.

Не успел Сергей лечь, как увидел встающего со шконки водителя наливника, который, пошатываясь, подошел к кровати спящего молодого солдата. Очевидно, дедушка был изрядно «налит» брагой вперемешку с чарсом, мало что соображал, о чем говорили его безумные глаза, блеснувшие своей пустотой, когда он встал под лампой. Постояв качаясь над спящим чижиком и решив, что это полный беспредел: он стоит, а дух¹ лежит,

– дедушка наотмашь ладонью ударил его по лицу. Раздался своеобразный щелчок пощечины. Молодой солдат вскочил, совершенно обалдевший и не понимающий спросонья, что произошло, и тут же начал шарить по палатке еще более безумными глазами. Но в них не было дурмана бражки и наркотика, в них были огромная усталость, голод, недосыпание, страх и боль, которые делали их сумасшедшими. Но это «сумасшествие» не вызывало чувство опаски, оно вызывало жалость.

– Боец! Сигарету мне, с фильтром, прикуренную! Две минуты времени! Время пошло! – выпалил дедушка, развернул-ся, подошел на свет к лампе и стал греть зажигалкой плюху чарса. – Если я успею забить косяк и у меня не будет дымиться сигарета в зубах, вешайся, – добавил он и весь погрузился в процесс изготовления.

Ошарашенный молодой солдат, выбежав из палатки, понес-ся сам не зная куда, потому как сигарет с фильтром у него не было и зачатки на черный день тоже вследствие полного отсутствия денег, которые, естественно, забирали старослужащие. Он бежал просто по инерции, и в этом беге не было никакого смысла... Но, может быть, просто чижик бежал от злого рока, который свалился на него неожиданно-негаданно. Разве мог он подумать несколько месяцев назад, когда, движимый чувством юношеской бравады, писал заявление в военкомате о добро-вольном желании служить в Афганистане, куда его эта бравада приведет? И теперь он неся по палаточному городку, барабаня сапогами по камням, в душе желая убежать от действительности и прибежать туда, в Союз, в военкомат, чтобы забрать на фиг свое заявление вместе со своей бравадой, глупостью, без-рассудством, ребячеством, наивностью и еще черт знает с чем.

1
Дух
–
душман,
моджахед,
а также молодой солдат.

Подбежав к дневальному под грибком, он жалостливо произнес:

– Братан, у тебя не будет сигареты с фильтром? – хотя пре-красно понимал, что шансов – ноль. Под грибком стоит такой же чижик. И если у него даже и есть, то все равно не даст, потому как у него тоже свой «черный день» не за горами.

– «Охотничьи»¹, – ответил солдат и протянул пачку.

Взяв сигарету, боец побежал обратно в палатку, надеясь в душе: «Может, прокатит. Или, может, дедушка отъехал и видит уже пятый сон».

Постояв в нерешительности несколько секунд перед входом в палатку, чижик вошел в нее и, увидев деда, перекатывающего косяк между пальцев, протянул ему дрожащей рукой сигарету без фильтра....

Водитель наливника криво ухмыльнулся, заложил косяк себе за ухо и произнес:

– Залет, боец, по всем статьям: по времени не уложился, сигарета без фильтра и не горит.

Далее, взяв чижика за протянутую руку с сигаретой, потянул его на середину палатки, чтобы было видно всем, кто не спит, это представление.

– Грудь к осмотру, – зло и как-то с наслаждением проши-пел дедушка, предвкушая удовлетворение своих низменных, животных инстинктов.

Молодой солдат выпятил грудь колесом, вытянул руки по швам. Тут же последовал удар в грудь... У бойца перехватило дыхание, и он согнулся от боли, при этом закашлявшись. Но ему нужно было срочно выпрямиться в исходную позицию, иначе не миновать удара с ноги... Совладав с болью и продолжая кашлять, чижик выпрямился и еще больше выгнул грудь колесом, сложив руки по швам.

– Старею, – сказал водитель наливника под недовольный гул дембелей, – теряю хватку.

И, чтоб реабилитироваться в глазах своих товарищей, он прицелился в пуговицу, что посередине груди. Последовал

1 «

Охотничьи»

– низкого качества сигареты без фильтра, получаемые бойцами ежемесячно.

12

второй удар, в который дедушка вложил всю свою физическую дурь плюс дурь от наркоты и алкоголя...

Воздух, вырвавшийся от удара, произвел странный звук в гортани, вместе с ним вырвался из груди наружу и, смешавшись

с глухим звуком кулака, разлетелся во все стороны палатки, разбудив даже мертвецки спящих духов. Пуговица своей жесткой металлической дужкой с обратной стороны вошла в кость солдата, разбив дальше рану от прежних побоев. Издав протяжный стон, боец согнулся в три погибели и упал на пол. Продолжая стонать, молодой солдат начал корчиться от боли.

– Встать! Товарищ боец! – прокричал дед, еще более захмелев от полученного кайфа избиения. – Встать! Грудь к осмотру! – повторил он еще раз команду и пнул, как футбольный мяч, лежащего в область печени. . .

Боец из позы эмбриона выгнулся в противоположную сторону и, схватившись рукой за печень, закрутился волчком. При этом его стон сменился на тихое поскуливание. Было ясно, что водила наливника попал точно в печень.

– Встать, боец, грудь к осмотру! – не унимался дедушка, совершенно ошалев от мучений солдата, которые возбуждали в его одурманенной душе чувство восторга от безраздельной власти над чижиком.

– Хорош, Киса, убьешь еще, – раздался голос с кровати, которая была в самом дальнем, темном углу палатки. – Пойдем лучше курнем. Ты же свернул стингер¹? – добавил «голос», скрипом пружин шконки давая понять, что он встает и его намерение твердое.

У садиста – водителя наливника оказалась на удивление гламурная женская кличка, которая только на первый взгляд не шла ему, судя по его только что сделанному поступку. Но предложение остановиться как холодный душ подействовало на Кису, и он тут же прекратил издевательство над солдатом и заискивающе произнес:

– Да, Тоха, пойдем. План кандагарский – бомба. Пару тяг – и аут, – и как бы в доказательство этого садист-водитель начал

1 «

Стингер»

– управляемая ракета, применяемая душманами по воздушным целям, или сигарета с гашишем.

13

нюхать косяк, который распространял плотный и терпкий запах гашиша. В проходе, попав под тусклый свет лампы, показался Тоха, оказавшийся здоровенным мужиком лет под тридцать, ростом с метр девяносто, с широкими плечами и огромными кулаками. Он перешагнул через лежащего и уже притихшего чижика и направился к выходу. Киса, как шакал Табаки из мультфильма «Маугли», засеменял за ним, что-то сладострастно и вкрадчиво рассказывая ему. На ходу Тоха бросил:

– Положите его на кровать, – скорее всего, обращаясь ко всем молодым солдатам. Чиж, которые наблюдали этот отвратительный спектакль

с круглыми глазами, тут же повскакивали и быстро уложили своего сильно побледневшего товарища, в душе радуясь, что обошлось и их сегодня не тронули...

Глаза Пожидаева были распахнуты от изумления. Мысли его путались, и ему казалось, что это какой-то дурной сон и этого не может быть, потому что не может быть никогда. Но это происходило вопреки войне, которая была вокруг, вопреки сплошь и рядом лежащему оружию, вопреки тому, что молодых солдат было больше, чем дедов, дембелей и черпаков вместе взятых...

Сложно однозначно ответить на вопрос, почему все эти чиж не могли объединиться или просто взять в руки оружие и за-гнать всех этих старослужащих под шконари? Что их заставляло вести себя подобно безропотным, безмолвным животным?

Все мы разные, каждый индивидуален. И подвести всех под общий знаменатель сложно. Всегда будут частности. Но можно предположить, хотя и не факт, что я прав.

Кто-то покрепче, кто-то послабее, и многие из ребят про-сто были слабы духом. Многие росли в парниковых условиях

и не привыкли выживать в трудных ситуациях, как, например, детдомовские, которые с первых шагов своей жизни уже на-чинают борьбу за существование. И все же, наверное, все они, по существу, были мальчишками и по-детски боялись обозлен-ных, побывавших во всяких передрягах более старших, хотя таких же пацанов. С другой стороны, чиж понимали, что это

продлится полгода, и из-за этих шести месяцев никто не хотел жертвовать своей свободой. И даже не заключение как таковое пугало их, а невозможность увидеть свой дом, от которого веяло даже в воображении теплом и уютом, невозможность беспечно бродить по улицам, созерцать родные лица, ставшие теперь такими далекими, беззаботно удить рыбу в пруду, щурясь от бликов солнца, отражающихся с зеркальной поверхности воды, а вечером с друзьями, выпив вина, тусоваться по парку

и радоваться этому невероятно приятному чувству свободы, осознавая, что все закончилось, все осталось в прошлом...

И у Сергея был свой островок счастья, за который он цеплялся все эти полтора года, который, как спасательный круг, вытаскивал его из всяких передраг. Ради него он терпел невзгоды, боль, обиды. И только в нем в тени белых больших вишен, вдыхая их сладкий аромат, там, где вдали слышался голос его мамы: «Сереза... Пора домой!» – он находил покой своей душе.

Конечно, Сергей не знал, кто был родоначальником этого, по сути, беспредела в 12-м Гвардейском, но дети, вообще-то, очень склонны к жестокости, по крайней мере, большая их часть, и не знают жалости. И если это зло вынуть из недр душ

и развить их, то результаты превзойдут все ожидания. После полугода сплошных побоев бывшие чижы, получив зеленый свет, потом с упоением отрываются на таких же молодых солдатах, мстя им за месяцы боли и унижения, и, как правило, превосходят своих «учителей». Это как раскручивающаяся спираль, у которой каждый новый виток больше прежнего. Так

и в 12-м Гвардейском – каждый новый призыв более жесток, чем предыдущий.

«Отлетав» полгода, молодые солдаты становились черпаками и скидывали свое ярмо на чижей. Теперь те уже выполняли всю грязную работу. Но не все переходили в годки, многие застревали в разряде «вечных летчиков», кого-то чморили по каким-либо причинам, а некоторые сами опускались, и этот кошмар продолжался у них все полтора года. В отличие от животного мира, в мире людей все же определяющую роль играет не физическая сила, а сила духа. Именно слабые духом мальчишки оказывались между жерновов человеческой жестокости и цинизма, возведенных в степень войной, превративших

15

их к концу службы в некое подобие человека, более похожее на затравленного, забитого зверька, боящегося собственной тени.

Почему офицеры, видя все это и все прекрасно понимая, закрывали на это глаза? Можно лишь предполагать. Но тут так же, как и с молодыми солдатами, есть частности. Да и не все командиры так поступали, а те, кто надевал «шоры», не всегда типа не замечали происходящего.

Очень часто офицеры, а также прапорщики не могли справиться с дедами, дембелями, черпаками¹, теми, кто хватанул войны. И какой-то летеха, который только что прилетел из Союза, был для них, в конечном счете, никто и звать его никак. Вообще, в 12-м Гвардейском

считалось в западло отдавать честь командирам, звание которых ниже майора . Лишь действительно дерзкие офицеры могли держать роту или взвод в узде.

И

их было немного. Поэтому командиры предпочитали иметь панибратские отношения со старослужащими, зная, что те их приказы, облаченные в просьбы, выполняют, построив чижей. Вот так и работала эта военная машина, в основе которой была дедовщина. И новобранцы стояли в карауле возле знамени полка или склада с боеприпасами, ходили в дежурство по роте или столовой, ремонтировали боевую технику, оружие, офицерские модули и палатки, копали окопы и щели под боевые машины, строили всевозможные укрепления и командные пункты на боевых, разгружали или загружали все подряд, начиная от боеприпасов и заканчивая грузом 200, и так далее и тому подобное. И только свист пуль и разрыв мин или эрэсов

2

, как по мановению волшебной палочки, в сотую долю секунды уравнивал всех: офицеров, прапорщиков, дембелей, дедов, черпаков и чижей, делая их всех пушечным мясом...

1

Черпак

–

солдат,
отслуживший год.

2

Эрэс

–

неуправляемый реактивный снаряд.

16

Глава II

Не всегда молодые бойцы превращались в покорных, без-ропотных рабов, готовых выполнить любой приказ старослужащих. Некоторые, кто подуховитей, восставали против произвола дедушек, часто платя за это своим здоровьем, а иногда и свободой.

– Савелий, я же тебе сказал, чтоб в картошке было много тушенки. Ты что, Савелий, плохо вкуливаешь с первого раза? Как

я буду это жрать? Я вижу, ты, дядя, совсем не хочешь уважать старших. Придется принять меры, – так негодовал, смотря в свой котелок, младший сержант Николай Зарубин из саперной роты, чья палатка была напротив палатки РМО.

«Савелий» был вовсе никакой не «Савелий». Звали его на самом деле Сергей. Просто фамилия у него была Савельев. Но никто уже не помнил его имени, и только после ЧП многие впервые услышали его настоящее имя.

Сергей Савельев отслужил уже год и должен был стать чер-паком, но «святая троица», которая держала верх в саперной роте, решила зачморить его, оставив в «вечных летчиках». В принципе, то же самое в то время происходило и на зонах в СССР с той только разницей, что вместо слова «зачморить» там употребляли «опустить», а вместо слова «опущенный» в 12-м Гвардейском говорили «чмошник» или «летчик».

За прошедшие полгода с Сергеем было много хлопот: постоянно вставал в позицию и не хотел стирать хэбэ дедам, носить пайку, отдавать свое денежное довольствие, стоять под грибок вместо дембелей – ну, в общем, дерзил, за что был многократно и сильно бит. И в один прекрасный день, когда Зарубин, будучи дежурным по роте, приказал ему идти под грибок вместо одного из дедушек, неожиданно Сергей согласился и, надев «дежурный автомат»¹ и броник, пошел на пост. За месяц до

1

Дежурный автомат

–

в подразделениях,
как правило,
было
«ничье»

оружие. И так как за него никто не отвечал, то за ним не нужно было ухаживать, и оно становилось своеобразным переходным вымпелом, передаваемым от одного дежурного другому. Но «ничьим» оно было условно. Это было оружие погибших солдат. Так, в 3-м ПТВ у «дежурного автомата» не было откидывающегося приклада и цевье было разрублено – след от осколка мины.

17

перехода в черпаки Савельев сделал роковую ошибку и, не выдержав бесконечных побоев, дал слабинку.

Зарубин не ожидал такого ответа и даже поначалу опешил. Он было приготовился, как обычно, заехать Савелию с ноги либо в живот, либо по голени. И в тот момент, когда он решал, как наказать строптивного бойца, тот ответил: «Хорошо», – начав собираться под грибок. На лице Николая отразилось изумление, и, застигнутый врасплох таким ответом, он недо-верчиво промямлил:

– Когда сменишься, меня разбудишь. Надо будет в оружей-ной палатке порядок навести. Я тебе покажу, что надо сделать...

С тех пор Сергей стал «летать» по полной, как будто деда хотели наверстать упущенное и просто становились в очередь, чтобы припахать его. Савельеву не забыли его ранее «закушенные удила», потому что его поведение дурно сказывалось на других молодых солдатах, и они, глядячи на него, тоже иногда пытались взбрыкнуть. И, когда подошел срок, его не стали переводить в черпаки, а по-прежнему ездили на нем.

А кроме того, уже с его призыва кто понаглее тоже пытались припахать его.

Такое решение, которое не оспаривалось, было вынесено «святой троицей» – тремя закадычными друзьями, которые были на тот момент дедами, являющимися авторитетами в саперной роте. «Святая троица» – это прозвище дали им уже давно, когда они были еще сами чижками, потому как держались они всегда вместе, хотя были из разных городов, но из одной саперной учебки. И, скорее всего, не учебка их связывала, а возраст: им всем было за двадцать пять лет. По каким уж при-чинам они так поздно были призваны в армию, достоверно неизвестно, но, очевидно, возраст делал интересы и ценности их схожими, поэтому они и были всегда вместе.

Среди них особо выделялся Николай Зарубин. Он был род-ной брат-близнец того самого Тохи из РМО, который вступился за чижика. Тоха тоже был с братом в одной саперной учебке, но на момент, когда они прибыли в полк, катастрофически не хватало водителей, а Толик был водитель-профессионал,

и поэтому его перевели в РМО. Николай был абсолютной ко-пией Тохи: такой же огромный, с чайниками вместо кулаков, широкоплечий и выглядевший в свои двадцать шесть лет на все тридцать. Еще двое из троицы были помельче, но по же-стокости и садистским наклонно-стям Зарубин им был не чета. Да и вообще, до армии он не был таковым.

Все же человек более склонен к плохому, чем хорошему: быстрее перенимает у других негативное, чем позитивное. И из беззлобного, в принципе, не подлого сибирского парня за полтора года службы вместе с двумя его «учителями» вырос-ла порядочная сволочь, не зна-ющая жалости. Что интересно, «святая троица» в свою бытность чижками не «летала». Один

Зарубин чего стоил. Мало бы кто вообще в полку отважился его напрямь чем-то. К тому же все они были старше и, самое главное, всегда стояли друг за друга. И тем не менее жестокость их зашкаливала даже для 12-го Гвардейского. О дедовщине в саперной роте ходили легенды.

Сергей Савельев давно осознал, что сделал ошибку, но обратной дороги уже не было, вернуть позицию строптивного и непокорного молодого солдата ему никак не удавалось. Его били теперь еще больше, чем когда он «держал марку», пресекая все попытки восстать. И после очередного сломленного протеста он бежал за пайкой для дедушки, стирал чье-то хэбэ, шел в наряд «за того парня»... А хуже всего то, что он потерял свое лицо. Раньше Сергея хоть били, но все равно в душе уважали. Уважала его даже «святая троица», видя в нем крепкого паренька, который, несмотря ни на что, держался, и его никак не могли заставить «шуршать»... Теперь же он сломался. И к его «плохому поведению», которое давало повод взбрыкивать другим чижам, добавилось презрение и разочарование.

Да, не он первый и не он последний, кто по каким-то причинам падал на социальное дно 12-го Гвардейского мотострелкового полка. Не он первый и не он последний, на кого после этого набрасывались, словно стервятники, все кому не лень, а друзья отворачивались, оказавшись на поверку псевдодрузьями. Не случайно Пожидаева учил его земляк Саша Антонов:

19

«Главное – держи марку. Если упадешь, обратно подняться будет практически невозможно».

Вот так, оставшись совершенно один, всеми презираемый, Сергей Савельев из задорного, веселого парня превратился в одинокого волчонка, который по-прежнему молча сносил побои, прикрывая жизненно важные органы руками. И только потаенная злость, которая периодически сверкала в его глазах, говорила о том, что он еще не превратился в покорное животное.

– Ну, что будем делать, Савелий? – продолжал ложно не-годовать Зарубин. Ведь он был совершенно сыт, наевшись плова, принесенного из офицерской столовой в РМО у своего брата. – Что молчишь, сучонок? Или не можешь сообразить,

в чем твоя вина? Если я сказал принести картошку, в которой должно быть много тушенки, значит тушенки должно быть много. А ты мне что принес?

Хотя в пайку Николая Сергей высыпал всю свою тушенку, кстати, которой ему и так досталось совсем чуть-чуть. Так что ужин Сергея был из картофельного пюре, сильно разбавленного черными глазками, водой и комбижиром, которое он запил слегка подкрашенным и чуть подслащённым чаем.

Во время этого разговора к ним подошел неведь откуда взявшийся другой представитель «святой троицы» – Степан, которого все звали Стэфан. Он заглянул в котелок, который держал в своей руке Зарубин, потом взял его в свою руку и, поднеся его к своему лицу, зачем-то понюхал.

– Он, Колек, над нами издевается, – ехидно смотря на Сергея, промурлыкал Стэфан. – А ну, товарищ солдат, затянуть ремень! – скомандовал он.

Савельев молча начал затягивать ремень.

– Не, братан, так дело не пойдет. Давай ту же затягивай. Не дай бог я палец просуну, – все так же ехидно поглядывая, но уже с угрозой в голосе, добавил он.

Через несколько секунд Сергей затянул ремень и застыл на месте. Степан подошел и начал тыкать двумя пальцами между ремнем и животом. Они не пролазили.

20

– А ну-ка, Колек, держи ему руки сзади, – неожиданно сказал он.

Николай подошел сзади и, загнув Савельеву руки за спину, сковал их железной хваткой.

– Это хорошо, товарищ солдат, что вы ходите по уставу и застегиваетесь на все пуговицы, – так же ехидно смотря на Сергея и перейдя на «вы», продолжил издеваться Степан. – Но это не всегда хорошо для дыхания, а особенно это плохо влияет на пищеварение, – с этими словами он расстегнул две верхние пуговицы на гимнастерке Савельева, оттянул воротниковую часть на себя и в образовавшуюся дырку начал выливать горячую жидкую толченую картошку.

– А-а-а-а, – закричал Савельев и попытался вырваться, но стальная хватка Зарубина намертво скрепила ему руки за спиной.

– А вот и голосок прорезался. Что орешь? Вкусно? – продолжал издеваться Степан. – Сейчас добавлю еще, – и вылил все содержимое за пазуху Сергею.

Савельев, совладав с болью, замолчал и уперся взглядом, полным ненависти, в Стэфана.

– О-о, смотрю по взгляду, еще добавки хочешь, но, к со-жалению, больше нету, разве что чайку могу предложить, – и, снявши со своего ремня фляжку, начал лить за пазуху горячий чай...

Сергей упорно молчал, но по его сопению можно было по-нять, что ему очень больно. Его испепеляющий взгляд продол-жал сверлить Степана, и, когда их глаза встретились, садист продолжил нарочито вежливо издеваться:

– Не стоит благодарности, а то, смотрю, ты меня расцеловать хочешь. Можешь отблагодарить меня тем, что, после того как постираешься, начистишь мне сапоги до блеска... Отпусти его, Колек.

Зарубин расцепил свою мертвую хватку и зашел вперед Сергея, чтобы полюбоваться, что получилось у его друга: Са-вельев с перекошенным от боли лицом, громко сопя, глазами, налитыми ненавистью и слезами, сжимая кулаки, смотрел на своих мучителей, а толченый картофель вместе с чаем парил сквозь хэбэ...

21

– Ну, что ты кулачонки сжал? А ну попробуй ударь меня вот сюда, – и Стэфан слегка наклонился, указывая пальцем себе на подбородок.

Сергей уже подал корпус вперед, чтобы кинуться на своего мучителя, но в последний момент остановился, понимая, что его просто через пару минут превратят в кровавое месиво, и, резко развернувшись, выбежал из палатки...

Уже стемнело, когда Сергей с куском хозяйственного мыла оказался возле умывальника. Жидкая толченая картошка, разбавленная чаем, отчасти все равно протекла сквозь туго затянутый ремень, а все, что осталось, нависло над ремнем, будто докторская колбаса. Расстегнув еще несколько пуговиц, он начал рукой доставать картошку и тут же есть ее... Из его глаз градом катились слезы...

В хорошем советском фильме «Аты-баты, шли солдаты» младший лейтенант, обнаружив мыло у рядового Крынкина, которое ранее пропало, хочет вывести его перед взводом, чтобы бойцы видели, кто украл у них мыло. Но когда выясняется, что он взял его для матери и сестер, чтобы они могли обменять мыло на хлеб, потому что сильно голодали, то другой рядовой Глебов начинает заступаться за Крынкина. Младший лейтенант, искренне сочувствуя Крынкину,

все равно не со-глашается замять это дело, потому как, по его словам, «это непедagogично». Тогда Глебов ему ответил:

– Не голодали вы, эх, не голодали вы, товарищ младший лейтенант...

Да, рядовой Савельев был унижен и раздавлен, и, по-хорошему, ему эту толченку хотелось засунуть в глотку Степа-ну или, по меньшей мере, разбросать ее на тысячи верст, ведь она была тем предметом, через который над ним надругались. Но голод, в конечном итоге, оказывается выше оскорблённой души, и инстинкт жизни очень часто перевешивает все чувства, вместе взятые. И он, обливаясь слезами, продолжал доставать из-за пазухи картошку и есть ее...

Смотря куда-то вдаль глазами, полными слез, Сергей, как сквозь мутное стекло, при свете тусклого фонаря еле-еле разли-

22

чал окружающие предметы, да и, в общем-то, он был на самом деле далеко... Сейчас Савельев в душе простался со своими лучшими друзьями, коих у него было двое. И по какому-то злему року там, на гражданке, они тоже всегда и везде были вместе и тоже были «святой троицей». Он простался со своей девчонкой, мысленно отпуская ее и возвращая ей ее слово: «Что бы ни случилось, я тебя дождусь». Простался со своим чердаком, который оборудовал по своему усмотрению и в котором проводил дни напролет, со своим маленьким, но очень аккуратеньким городком и, конечно же, с отцом, которого очень любил и уважал и который один его воспитывал. Он понимал: то, что он задумал, как минимум отсрочит все это на многие годы, а может, он уже никогда не сможет пройти по улочкам своего городка и никогда уже не услышит баритон своего отца...

У него тоже была своя лавочка, спрятавшаяся в тени больших вишневых деревьев...

Как всегда, накурившись чарса, «святая троица» села играть

в нарды, сбивая сушняк хорошим индийским чайком, который привезла разведка после операции. Незаметно они поймали кураж, совершенно увлекшись игрой. Слышались крики спора по поводу камней: один утверждал, что у него 3-куш выпал, другой кричал, что там на самом деле было 3 : 2. Двое дем-белей, что были тоже с троицей, раздувая легкие, наперебой утверждали совсем иное: один хрипел, что камни показали 3 : 1, а другой, перейдя на какой-то визг, голосил, что на камнях было вообще 2-куш. Это все происходило среди бела дня

в дембельском закутке.

В конце палатки последние два ряда кроватей были отделены пролетом от всех других, и эта зона считалась «святая святых», на которую могли заходить только дембеля и деды. Странно то, что такая традиция была установлена только в саперной роте. И именно «святая троица» ввела ее. В палатке не было никого, кроме них. Все остальные разбрелись: кто по работам, кто в наряды, кто просто «гасился» где-нибудь на тупике, «чтобы не мозолить глаза шакалам». Только «святая троица» имела

23

карт-бланш у командира роты майора Бубнова находится в палатке в любое удобное для них время.

Сергей после истории с картофельным пюре вынес для себя по отношению к троице вердикт, на который раньше не решался. Он все думал как-то проскочить. Но теперь он был совершенно уверен: другого выхода нет. Когда Савельев утвердился в своем решении, он стал совершенно спокойным, даже каким-то отстраненным от жизни, теперь он был поглощён одной мыслью: «Как завалить всю “святую троицу” разом?».

Он постоянно искал подходящего момента, и его не беспокоило, что во время вынесения своего приговора его самого могут убить. Сергей думал только о том, чтобы успеть завалить всех троих, прежде чем кто-то или что-то остановит его. Но почему-то всегда не срасталось: то народу вокруг много было, то не вся «святая троица» вместе. Подводил особенно Зарубин. Он в последнее время днями сидел у своего брата в РМО.

Но в этот день Сергею выпал шанс. Потихоньку сбежав с работ на РАВ-складе¹, он незаметно прокрался к своей палатке. Савельев знал, что «святая троица» должна быть в ней. Осторожно заглянув в открытое окошко, он увидел вышеописанную картину, когда крики спора, подогреваемые действием гашиша, разносились далеко за пределы палатки.

«Твою мать! – подумал он, когда увидел вместо троих пятерых. – Какого х.. я они тут делают? Они же должны были с комроты укатить в Герат... – продолжил мысленно негодовать Сергей. В сердцах махнув рукой, он отошел от палатки и, чтобы не привлекать внимание, не спеша побрел в сторону туалета, размышляя на ходу: – Б..., откуда они взялись, уроды? Что те-перь делать? Когда теперь такой шанс выпадет? Ведь совсем скоро рейд. Если не все, то точно хоть один, да укатит туда».

Но, положив руку на сердце, глубоко внутри Сергей понимал, что он ослабевает, что с каждым днем угасает в нем решимость сделать это. И дело вовсе не в страхе, а во все более разгорающемся желании через год вернуться в свой городок, закрыться

у себя на чердаке и, врубив там на полную катушку музыку, забыться... провалиться в нирвану... Почти дойдя до туалета,

1

РАВ-склад

—

склад ракетно-артиллерийского вооружения.

24

Савельев резко развернулся и уверенно, быстрым шагом на-правился к своему расположению. За это время он вынес еще один приговор – двум дембелям, находящимся сейчас вместе

с троицей в палатке, и он был безапелляционен: «Виновны!». Опять осторожно подкравшись к палаточному окошку, он

заглянул в него: все пятеро сидели на кроватях друг против друга, продолжая играть в нарды, хохоча над чем-то. Сергей окинул вокруг себя территорию взглядом. Никого поблизости не было. Он достал из кармана «эфку» 1... выдернул кольцо из гранаты... отпустил чеку... Раздался характерный щелчок. Он начал считать:

– Раз... два... три... – и на счет «три» бросил «эфку» в окошко, в это же мгновение рухнув на землю. Когда он еще падал, раздался взрыв...

Устойчивый шум в ушах говорил ему, что он жив и всего лишь слегка контужен. Открыв глаза, первое, что он увидел сквозь дым и пыль, это то, что четверть палатки словно корова языком слизала. Потом увидел перевернутые кровати вместе с тумбочками, разбросанное постельное белье, какие-то вещи и пятерых лежащих в разных позах солдат. Гимнастерки на них превратились в лоскуты от взрывной волны. Пороховые газы, неся в себе с огромной скоростью частички сажи, проникли под кожу, окрасив местами их лица и тела в серый цвет. Осколки от гранаты в большинстве своем достигли цели и посекали их всех

в фарш. Двое из пятерых были еще в сознании. Они корчились от боли, и один из них истошно кричал:

– А-а-а-а!.. Помогите!.. Мама!.. А-а-а-а!.. Помогите!.. Сергей все правильно рассчитал, но при этом сильно риско-

вал сам. Брось он гранату сразу, у дедов был бы шанс спастись, т.к. «эфка» взрывается через четыре секунды после отпущения чеки. И если бы они моментально среагировали и отскочили

в стороны, упав на пол, то могли бы остаться в живых. К тому же, взорвись граната на полу, у нее была бы гораздо ниже по-ражающая способность. Она же, влетев в палатку, разорвалась между дедами, сидящими на кроватях друг против друга, на уровне груди – эффект поражения был максимален, насколько

1 «

Эфка»

– оборонительная граната Ф-1.

25

это возможно. Но при этом, ошибись Сергей хоть на сотую долю секунды, он сам бы стал жертвой подрыва.

Савельев, полежав еще пару минут, поднялся, посмотрел по сторонам. Отовсюду на взрыв бежали бойцы и офицеры. Спо-койно отряхнувшись от пыли, он подошел к лежащим дедам. Явно разглядев в окровавленных, бездвижно лежащих телах двух из «святой троицы», пошел к огромному, корчившемуся от боли Зарубину, который к этому времени сел на пол и оперся на перевернутую кровать. Он прикрывал своими огромными лапами раны на животе и груди, совершенно не замечая, что у него над бровью огромная дырка, из которой, пульсируя, вы-текает кровь. Николай не кричал, как другой дедушка, а только, как-то кряхтя, несильно дергался всем телом в разные стороны, смотря одним глазом, потому что другой был залит кровью. Сергей присел напротив него, заглянул ему в единственный глаз и спросил:

– Что, больно, Колек?

Но Зарубин ничего не ответил. Он просто не слышал его. Да и вряд ли бы ответил. Ему было не до него. Страх в расши-ренном зрачке говорил о том, что он чувствовал, как из него начинает выходить жизнь.

Посмотрев еще несколько секунд на то, как дергается и кряхтит Николай, и не дождав-шись ответа, Савельев добавил:

– И мне было больно, – и, встав, пошел уверенным, твердым шагом в штаб полка.

Войдя в штаб, он застал там какую-то суматоху: все офицеры бегали туда-сюда, перебиваясь между собой; возле него проскочили двое бойцов и, чуть не сбив с ног, вылетели на улицу; дежурный по полку бесперебойно звонил куда-то, крича не своим голосом:

– Алло!.. Алло!.. Седьмой?! Что у вас там, на хрен, произошло?.. А, это не у вас? А где это еб...ло? Не знаете? Это не духи жажнули?.. А кто тогда, на х..й, знает, что случилось?.. – потом, покрутив ручку на коммутационном телефоне, продолжил: – Соедините меня с четвертым!.. Алло!.. Четвертый! Где это еб...ло?.. Чем вы там вообще, на х...й, занимаетесь?..

26

В эту минуту Сергей, встав напротив дежурного по полку

и отдавая честь, четко чеканя слова, выпалил:

– Товарищ капитан! Разрешите обратиться?

– Иди на х..й, боец, отсюда! Не видишь? Не до тебя сейчас! Очевидно, Савельев другого и не ожидал, поэтому, невзирая

на ответ капитана и его искаженное от злости лицо, спокойно, чеканя слова, как будто рапортовал об успехах комсомола на ударных стройках страны, продолжил:

– Я, рядовой Савельев Сергей Александрович, будучи в уме

и твердой памяти, ровно пять минут назад уничтожил младше-го сержанта Зарубина Николая, сержанта Милютина Степана, рядового Ступко Николая, сержанта Адигузелова Марата и рядового Мирзу Нуралиева при помощи ручной гранаты Ф-1... Пока он это говорил, у дежурного по полку открылся рот

и после слов «ручной гранаты Ф-1» из руки вывалилась теле-фонная трубка... Несколько секунд продолжалась немая сцена: капитан завис, удивленно таращась на Сергея. И как он ни пы-жился, но абсолютно никакая мысль ему упорно не приходила в голову, а Савельев так и продолжал стоять, лишь убрав руку с виска, спокойно смотря на капитана.

Вдруг капитан схватился за кобуру и попытался ее от-крыть... но как-то весь засуетился, задергался и, так и не достав пистолет, срывающимся на визг голосом закричал:

– Стоять!.. Руки за голову!.. Лицом к стене!..

Тоха ревел как маленький ребенок, когда узнал о гибели брата, и в душе поклялся убить Савельева, чего бы ему это ни стоило. Гибель Николая сказалась очень негативно на судьбе молодых солдат в РМО. До этого Тоха практически не трогал их и даже часто заступался, но теперь он как будто принял эстафету у погибшего брата и в своих изощренных издевательствах во многом превзошел его. Было такое ощущение, что он

в каждом молодом солдате видел Сергея Савельева и мстил ему за своего брата.

Сергея Пожидаева это не коснулось. К этому времени новый замполит перевел его из РМО со всеми поварами на прачку. И кто знает, снял бы Тоха с него «неприкосновенность» или нет после гибели брата.

27

А Сергея Савельева в этот же день прямо из штаба увезли

в дивизию в Шинданд. Ходили слухи, что ему дали 12 лет, но существовала большая вероятность, что в каком-нибудь противоположном уголку Афганистана на какой-нибудь заставе появился новый боец, переведенный из Герата, а может быть, Шинданда по неизвестным причинам. А когда его спрашивали, почему он тут оказался, он, как-то странно улыбаясь, отвечал:

– Да хрен их разберешь... Ни с того ни с сего дали два часа на сборы, посадили в БТР – и вот я здесь. Даже с пацанами не успел попрощаться...

28

Глава III

Вечером после отбоя, загрузив тушенку, консервированный сыр и сало в вещевой мешок, Пожидаев направился в сторону офицерского модуля, где его ждал начальник столовой капитан Ковалев. В отличие от солдат, проживающих в палатках, офицеры квартировались в модулях – быстросборных одноэтажных зданиях из легких фанерных панелей.

Сергей выполнял «спецзадание» по дополнительному обеспечению закуской командного состава полка из солдатского резерва по приказу все того же капитана Ковалева. Питались офицеры тоже очень даже ничего: своя отдельная офицерская столовая, где готовили им пищу вольнонаемные женщины¹; неслабая зарплата, позволяющая покупать качественные продукты за чеки² в магазине военторга, да и дуканы³ с удовольствием принимали эти самые чеки. Но это нисколько не мешало им залезать в уже и так в скудный продуктовый запас полуголодных солдат. Наверное, это была одна из причин, почему их солдаты называли шакалами.

Совсем недавно, неделю назад, построили ангар, в котором разместили новую столовую с паровыми котлами. И наконец-то повара перешли из походной кухни в стационарную. Выполняя «спецзадание», Сергей не успел отойти и на десять шагов от ангара, как услышал какой-то шелест над головой, и тут же – бабах! Как ему показалось, взрыв произошел в столовой. «Котел рванул», – почему-то подумал он и развернулся, чтобы пойти и посмотреть, что произошло... И опять какой-то шелест в небе, потом левее от ангара, метрах в тридцати, Сергей увидел всполох огня с искрами. И снова – бабах! Следом еще всполох – и... бабах!... Потом еще, еще и еще...

1

Вольнонаемные женщины

–

в состав ограниченного контингента также

входили и гражданские лица, которые заключали контракт с Министерством обороны для выполнения определенных работ. Вольнонаемные женщины и мужчины в боевых действиях не участвовали, а лишь только помогали военным в жизнеобеспечении 40-й армии. Были востребованы повара, медсестры, врачи, продавцы, строители и многие другие.

²*Чеки* – чеки Внешпосылторга, своеобразная параллельная валюта, существовавшая в Союзе до 1988 г.

³*Дукан* – название магазина в Афганистане.

29

Только секунд через тридцать, когда прозвучал пятый или шестой взрыв, Сергей увидел, как повыскакивали солдаты из палаток. Завыла сирена. До него дошло: это обстрел. Он всюду

видел разрывы снарядов, но так и продолжал стоять, повернувшись лицом к столовой, с вещмешком за спиной. Его как будто заклинило.

Эти взрывы возбудили миндалевидное тело в мозгу, и со-знание его наполнилось страхом, который, в свою очередь, запустил работу сердца в режиме отбойного молотка, что невероятно повысило давление и адреналин в крови. Избыточное содержание адреналина в крови рикошетом подействовало на сознание, и происходящее вокруг стало казаться каким-то нереальным. Параллельно страх активировал инстинкт самосохранения, который настойчиво требовал от его костно-мышечной системы двигательных действий. Только последнее звено в этой цепочке – работа костно-мышечной системы, зависело от воли Сергея, все остальное произошло автоматически, но он упорно не включал ее.

У страха есть еще обратная сторона медали: помимо того, что он подталкивает человека к своему спасению, он же, когда находится на предельных показателях, его и останавливает, сковав волю и разум. Вследствие чего Пожидаев впал в ступор: страх подавил все эмоции и инстинкт самосохранения, нажав в его сознании на кнопку «Delete», и в голове был чистый лист... ни одной команды...

Автоматы и пулеметы затрещали на постах, устроив в черной мгле игру красных огней, а он все так же продолжал стоять, лишь чисто механически поворачивая голову то вправо, то влево. Конечно же, все это происходило максимум в течение минуты, но в такие моменты жизни время останавливается, косвенно подтверждая теорию о его относительности. Для Сергея, столкнувшегося в первый раз с реальной войной, эта минута растянулась до невероятных размеров, вместив в себя целую маленькую жизнь.

Да и раньше бывало такое, и оно, время, тоже могло ползти медленнее самой ленивой черепахи, когда он с другом Колькой ждал окончания урока по «руссязу», чтобы рвануть на перемене

в чебуречную. Но то была совсем другая «маленькая жизнь»,

30

в которой не было страха и вместо запаха гари был весенний аромат плодовых деревьев, бьющий по обонятельным рецепторам через открытое окно в классе.

В полку творился сплошной хаос: все что-то кричали, куда-то бежали группами и по одному, причем по замысловатой, непредсказуемой траектории. Иногда бойцы сталкивались друг с другом. И если бы на эту картину можно было взглянуть сверху, то она бы напомнила школьный учебный фильм про броуновское движение. Вдруг везде погас свет – дежурному на подстанции хватило ума дернуть за рубильник, чтобы не подсвечивать цели для дуков.

Все же инстинкт самосохранения запустил костно-мышечную систему, и Серый рванул, не зная зачем, в палатку к связистам, к своему знакомому по кличке Мультик. Ветер засвистел в его ушах, и с этим свистом влетела первая мысль с начала обстрела: «Только бы Мультик был в палатке». Зачем он так срочно понадобился ему в это, так скажем, не очень удобное для встреч время, Сергей не смог бы дать ответа ни тогда, ни сейчас, по прошествии тридцати лет. С первой мыслью у него восстановилась способность рассуждать. И, пока он бежал, понял, что правильно бежит, вспомнив о кэшээмке¹, которую видел сегодня днем стоящей возле их палатки. Подбежав к ней, Сергей снял вещмешок с консервами и долбанул им что было сил по броне, прокричав:

– Мультик, ты здесь?! – подкрепив значимость заданного во-проса еще одним ударом все тем же вещмешком с консервами.

Вместо ответа открылся люк десанта. Из него донеслось:

– Давай сюда!

Сергей упрашивать себя не стал, и через секунду он уже сидел в кэшээмке.

– Ты какого хрена стучал? Что, не мог сам залезть? – спро-сил Мультик Серегу, но тот молчал. – И вообще, почему сюда прибежал, а не в бомбоубежище? – не унимался он, заинтерере-совавшись неадекватным поведением Пожидаева.

Но тот продолжал молчать и только прислушивался к взры-вам, опустив голову вниз, для чего-то зажав ее с двух сторон

1

Кэшээмка

–

командно-штабная машина на базе БМП.

31

руками. Когда в ответ на обстрел полка начали лупить наши танки и «Гиацинты»¹, то Сергей, повернувшись к Мультику

и смотря на него расширенными от ужаса глазами, спросил:

– А это что?...

Все это продолжалось не более двадцати минут, вернее, столько времени моджахеды вели огонь по расположению пол-ка, а наши в обратку чуть ли не до утра молотили из тяжелых ору-дий по близлежащим сопкам. Так Сергей впервые понюхал пороху. В дальнейшем он увидел, что все молодые солдаты при-мерно так же ведут себя, как и он, и, столкнувшись первый раз

в жизни с войной, делают в штаны от страха. Да и потом страх никуда не уходит, просто с опытом боевых действий солдаты научаются с ним бороться, что позволяет им принимать хоть сколь-нибудь осмысленные решения и, как следствие, действия.

На пару дней раньше Пожидаева в полк прибыл новый зампотыл² подполковник Фурса. Первое, с чего он начал свою деятельность, – это всех блатных и расписных, т. е. поваров, кладовщиков, писарей, банщиков и прочую братию, разместил

в отдельной палатке на прачке, которая была на отшибе. Это Фурса сделал для того, чтоб уменьшить текучку продуктов и военного обмундирования в подразделения, а также пресечь выбивание дедами всяких регалий у писарей и отменить ночные купания личного состава в офицерских саунах, – так сказать, начал борьбу с «коррупцией» местного масштаба.

В принципе, все сколь-нибудь значимые вновь прибывшие офицеры из Союза, начиная с комбата и выше, вначале пред-принимали усилия по борьбе с анархией в полку. Но, побившись как рыба об лед, на той же заднице и садились. Потом, махнув рукой на это дело, они успокаивались, и все шло своим чередом, как и раньше.

Такой поворот был только на руку Пожидаеву. Не пробыв и десяти дней в палатке РМО, он поселился на прачке среди блатных, но все так же оставался приписанным к роте матери-

1

«Гиацинт»

–

дальнобойная

152-миллиметровая пушка.

2 *Зампотыл* – заместитель командира полка по тылу.

32

ального обеспечения. Отпахав сутки на кухне, теперь он имел один день отдыха, что, конечно же, было невозможно в роте: командиры всегда находили, чем занять свободные руки, хотя Сергей имел законный выходной. Нельзя, конечно, сказать, что на прачке были кренделя небесные. Среди блатной братии тоже были дембеля, дедушки и черпаки, но они не были так сильно обожжены порохом войны, как обычная пехота, поэтому такого беспредела в смысле безумной дедовщины, как в РМО, не было.

1-й разведвзвод и 3-я разведрота были элитой в полку и пользовались уважением всего личного состава, включая и офицеров из других подразделений. Они редко участвовали в общевойсковых операциях, а специализировались по уни-чтожению караванов. По большому счету, только разведка по-настоящему воевала, часто входя в прямое столкновение с духами. И, как правило, силы противников были примерно равны. Очень часто единственным преимуществом у развед-чиков были атака из засады и внезапность. Они, уничтожая караваны, поступали точно так же, как и моджахеды, которые постоянно жгли наши колонны, неожиданно нападая с вы-годных тактических позиций, т. е. разведчики платили духам той же монетой.

Но иногда караван усиленно охранялся, и в этом случае разведчикам приходилось туго, ситуация менялась на против-положную, тогда нападение переходило в оборону. Дважды за службу Пожидаева полк был поднят по тревоге, чтобы выта-щить разведку из передряги, в которую они попали. А общевой-сковые операции проходили при подавляющем преимуществе наших войск с мощной поддержкой с воздуха и артиллерии, что минимизировало наши потери. Что-что, а за потери, которые превышали определенные в высоких кабинетах максимумы, с офицеров, начиная с младших чинов и заканчивая комдивами, спрашивали, как говорится, по полной.

Когда полк не был в рейде, разведчики не несли караульную службу и не ходили в наряды по столовой, а, как правило, си-дели где-нибудь в засаде или готовились к ней. Только тогда, когда полк уходил в поход и в расположении оставалось мало личного состава, 1-й разведвзвод вынужденно тянул наряды по столовой, но 3-я разведрота так и держала табу на дежурства

и караулы. Именно у разведки, где, казалось бы, как нигде, должно было быть боевое братство, когда они чуть ли не еже-недельно вступали в столкновение духами, где плечо товарища в бою стоит очень многого, была самая жесткая дедовщина, хотя землячество отсутствовало напрочь.

Землячество – еще один пазл в картине «Война», где его присутствие кажется немислимым, но он прекрасно в нее впи-сался, и не где-нибудь в полутонах, на втором плане, а в центре в качестве жирных и четких линий. Он делил на группы неза-висимо от срока службы и звания: узбеки держались с узбеками, туркмены – с туркменами и т. д.. Но еще все они объединялись в одну общую большую касту – азиаты. Аналогично – народы Кавказа. А русские, украинцы и белорусы хоть и были все славяне, но почему-то руководствовались присказкой: «Моя хата с краю – ничего не знаю». Вернее, земляки еще держались вместе, но если ты, к примеру, из Астрахани, а он из Твери, то, как говорится, «судьбы у нас разные».

В

разведке слово «землячество» не существовало в принципе. Чижей били всех, невзирая на касту, но ситуация ухудшалась все больше и больше. Дело в том, что некоторые молодые солдаты, особенно кавказцы, давали серьезный отпор старослужащим, и часто конфликт заканчивался госпиталем для взбунтовавшегося чижика. Было понятно, что так долго продолжаться не может. И, чтобы далее не искушать судьбу, командование полка приняло решение брать в разведку только славян. Но и в этом случае произошел инцидент, повлекший за собой расформирование 1-го разведвзвода. Как-то так вышло, что на место «отлетавших» чижей, по праву перешедших в черпаки, не пришла замена. Молодые солдаты считали, что они свое «отшуршали», а деды с дембелями не собирались ни с того ни с сего делать грязную работу. Старые дембеля 1-го разведвзвода улетели в Союз, и численно силы стали примерно равны. Начались массовые драки – стенка на стенку. Эти баталии длились примерно с месяц. Никто не хотел уступать, и комполка не видел другого выхода, кроме как расформировать его по точкам

1

. Вот так закончил свое существование 1-й разведвзвод. Но это произойдет только через полгода. Ну а пока

1

Точка

–

застава,

обычно состоящая из одного взвода или отделения.

34

чижи-разведчики на «законных основаниях», когда полк был в рейде, ходили в наряд по столовой...

Но рейды вносили сумятицу не только в ряды разведчиков, они устраивали бардак и в поварской среде. Когда полк пре-бывал в месте постоянной дислокации, то на кухне работали повара от всех подразделений. Уходя же в рейд, танкисты за-бирали своих поваров, саперы – своих, и так далее, но всегда кто-то из них оставлял 3–4 поваров, чтобы готовить пищу для оставшихся бойцов. Неизвестно, с чем это было связано. То ли с тем, что все повара стали жить в одной палатке, хотя были при-писаны к разным подразделениям, то ли, как всегда, армейское головотяпство, вот только в расположении после убийства полка

в поход остался один повар-чижик – Сергей Пожидаев. Не имея толком опыта работы на кухне, всего пару недель, он был вы-нужден готовить один на триста человек. Это были непро-

стые два месяца, когда ему приходилось спать в сутки максимум 4–5 часов. Он забыл дорогу на прачку напрочь и жил прямо в столовой в подсобке, так сказать, не отходя от производства.

За эти два месяца Сергей сдружился с чижками из 1-го разведзвода, которые тоже стали жертвой общевойскового рейда и были вынуждены ходить через день в наряд по столовой, предваряя в жизнь крылатую фразу из военной песни: «За себя и за того парня». Несмотря на тяжелый ежедневный труд, все они все же были мальчишками, и им хотелось забыться от этого безумия, которое творилось вокруг них в полку: от этой пахоты, от дедов и дембелей, от шакалов, от войны, которая короткими очередями на постах и уханьем САУшек почти каждую ночь напоминала о себе. Им хотелось на короткое время надеть «розовые очки», и разведчики часто, после того как заканчивали уборку в столовой, сидели у Сергея в подсобке, тем самым сокращая драгоценные минуты своего и так короткого сна.

Там они все вместе, оградившись стенами подсобки, прятались от внешнего мира, отключив свой разум дымом чарса или градусами браги, и слушали музыку, убегая в мир мелодий. И хоть что-то светлое освещало их души, загнанные в темноту войны.

Быть может, с тех пор Пожидаев так любил слушать музыку. Наверное, она на подсознании в его разуме вызывает какие-то

35

положительные эмоции, как когда-то, в далеком 1986 году. В отличие от Сергея, который полгода пробыл в поварской учебке и только почитай как месяц в 12-м Гвардейском, разведчики были из трехмесячных учебок и, как следствие, на три месяца раньше прибыли в часть. За это время пацаны уже не раз побывали в засадах, и их рассказы изумляли Пожидаева. Во многое, о чем рассказывали разведчики, Сергей не верил, хотя и не подавал виду, думая, что брешут ради красного словца, пуху на себя накидывают, но по прошествии времени он понял: они где-то даже сглаживали углы.

Чарс из последней засады, когда разведчики по ошибке размолотили мирный караван, закончился, и им приходилось после отбоя делать вылазки за ним на точку к сарбосам¹. Их застава была в двух километрах от расположения полка. Нужно только было пройти два поста и перелезть через колючку². Посты не были особой проблемой. Достаточно было по возвращении не-много поделиться чарсом или дать бойцу банку тушенки. Или вообще иногда катило «спасибо, братан». А в колючей проволоке был проделан лаз. Главное – надо было успеть до смены караула, чтобы сменившийся постовой не принял их за духов и не начал поливать по ним короткими очередями.

Через месяц таких «походов» они совсем расслабились и ходили к сарбосам как к себе домой, даже не брали с собой автоматы. За это время они познакомились с некоторыми из них и знали по именам, но только вот все они забыли, сказала молодость и детская наивность, известную в тех местах при-сказку: «Афганец днем дехканин³, а ночью – дух».

В часов двенадцать ночи к Сергею в овощной цех с радостными криками влетели Игорь Алехин и Гера Сарычев по кличке Героин. Пожидаев в это время чистил лук, готовясь к завтрашнему дню.

1

Сарбос

–

солдат афганской армии.

2

Колючка

–

забор из колючей проволоки.

3 *Дехканин* – земледелец, крестьянин.

36

– Игорек урвал десять осветительных ракет, пятидесятки¹. Теперь у сарбосов можно нормуль ганджибасом² разжиться! – прямо с порога выпалил Героин. – Да бросай ты этот лук на хрен, Серый, бери банку сгухи или тушняка и пошли к духам, – добавил он, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. – Теперь как минимум пару недель не надо будет эти рожи видеть, зуб даю. Я за эти ракеты плюху размером с твою шапку у них вы-цыганю.

Гера знал, о чем говорил: осветительные ракеты, впрочем, как и сигнальные, пользовались повышенным спросом у аф-ганцев. И неважно, кто он: сарбос, дехканин или дуканщик.

– Вот в цвет у меня как раз бражка поспела, я сегодня про-бовал, – как-то сразу забыв за гору нечищеного лука, ответил Сергей и тут же стал вытирать руки о фартук.

Забежав в подсобку, они кинули ракеты в мешок из-под саха-ра, Пожидаев сунул в карман банку сгухи. И, выйдя из ангара, они трусцой втроем побежали в сторону сарбосской точки. Именно побежали, потому что надо было успеть накуриться, выпить бражки, послушать музыку и еще успеть немного поспать, ведь до подъема уже оставалось меньше шести часов.

Сарбосская застава представляла из себя одноэтажное не-большое глинобитное здание, вокруг которого были вырыты окопы. Оно даже не было обнесено дувалом³, как это было обычно принято в Афганистане. Не доходя до него метров тридцать, ребята увидели охраняющего ее сарбоса и начали кричать из темноты:

– Шурави⁴! Як дуст⁵! Бача⁶! Чарс! – озвучили они свои скудные знания местного наречия, и в запасе у них оставалась еще пара-тройка слов, не больше.

Сарбос особо никак не отреагировал, и это они приняли на счет того, что паломничество на точку совершал практически весь полк, превратив ее в своеобразную зону натурального

1

Пятидесятка

–

ручная осветительная ракета диаметром

50

мм.

2 *Ганджибас* – гашиш.

3 *Дувал* – глинобитная стена.

4 *Шурави* – советский солдат.

5 *Як дуст* – друг.

6 *Бача* – пацан, мальчик, молодой человек.

37

обмена товаром, хотя обычно постовой оживлялся и проявлял признаки радости, приветливо махая руками. Подойдя к нему, они узнали его. Это был их знакомый по имени Анзур. Пер-вым с ним за руку поздоровался Сергей. Игорь вместо руки протянул ему осветительную ракету, которую успел достать из мешка, желая этим обрадовать сарбоса, и вместо «привет», улыбаясь, произнес:

– Чарс аст¹? – тратя последние резервы своего словарного запаса местного наречия.

Но Анзур вовсе не обрадовался и равнодушно ответил:

– Нест².

Если б неожиданно, нарушая все законы мироздания, взошло солнце посреди ночи, то это бы меньше удивило Игоря, и он, все еще не веря услышанному, повторил:

– Чарс аст? – продолжая улыбаться.

– Нест, – твердо ответил афганец.

Улыбка стерлась с лица Алехина, и уже настойчиво Игорь произнес:

– Аст?

– Нест, – так же настойчиво ответил Анзур.

Тогда разведчик посмотрел на своих товарищей. В его глазах было недоумение, которое говорило: «Это только я слышу, или все же это происходит?»

– Да брешет эта грязная обезьяна, – поняв его взгляд, ответил Героин. – Пойдем к ним в избу. Что там скажут? – и добавил, уже обращаясь к духу, практически срываясь на крик: – Где командор?! – как будто бы от силы звука и искажения слова «командир» зависело понимание его вопроса.

– Командор? – переспросил Анзур.

– Да, командор, обезьяна безмозглая, – уже на тон ниже от-ветил Гера, и в его голосе слышалось нетерпение.

– Нест командор, – окончательно испортив всем настроение, ответил сарбос.

Считая разговор законченным, Героин шагнул в сторону глиняной хибары. Вслед за ним двинулись Сергей с Игорем.

1

Аст

–

есть.

2 *Нест* – нет.

38

Не ожидавший такой прыти афганец на повышенных тонах запричитал:

– Нест командор, нест командор... бад1, хэроуп2, – при этом схватив уходящего Игоря за рукав.

Алехин остановился, резко отдернул свою руку и, высвободившись, процедил сквозь зубы:

– Еще раз схватишь меня своими корячками, обезьяна, я этой ракетницей тебе в рожу выстрелю.

Не знал Игорек, что, гневаясь, он произнес пророческие слова, которые сбудутся раньше чем через полчаса...

И, снова зашагав в сторону развалюхи, они с растворяющи-мися очертаниями Анзура слышали позади себя затихающее: «Нест командор, хэроуп, хэроуп...» – как будто ночь вместе с исчезающим силуэтом сарбоса также растворяла и его слова.

Ранее ребята никогда не были в этой лачуге, обмен всегда совершался на «нейтральной полосе». И теперь, подойдя к ее дверям, они немного замешкались, не зная, сразу открыть или постучаться. Но знакомый вид двери (она была сколочена из ящиков из-под советских снарядов) придал им уверенности, и, толкнув ее, ребята ввалились внутрь. Перед ними предстала совсем небольшая закопчённая комната, освещаемая керосиновой лампой, которая сильно чадила, т. к. вместо керосина, очевидно, в ней горела солярка. В стене ее черным цветом зияло прямоугольное пятно – вход в коридор. Посередине комнаты было сделано из глины небольшое квадратное возвышение, по-крытое циновками. На нем сидели два духа. Между ними было расстелено что-то вроде платка, на котором стояли медные чашки, наполненные какой-то пищей. В самом центре стоял закопченный солдатский дюралюминиевый чайник, принадлежавший когда-то ОКСВАЗ...

В воздухе повисла пауза. Афганцы пялили из полумрака удивленные глаза на пацанов. В их лицах стояло изумление, что подчеркивала рука одного из них, которая так и застыла с куском лепешки возле открытого рта. В свою очередь, разведчики вместе с Пожидаемым тоже опешили, вытянули лица

1

Бад

–

плохо.

2

Хероуп

–

нехорошо.

3

ОКСВА

–

ограниченный контингент советских войск в Афганистане.

39

и

разинули рты. Они никак не ожидали увидеть здесь ночью вместо сарбосов гражданских. Духи были облачены в национальные белые шарваль-камизы

1

, белые широченные штаны. На головах у них были читрали

2

. В плохом освещении их загорелые, почти черные лица сливались с темнотой, создавая впечатление сидящих привидений с удивленными глазами. Первым молчание нарушил бесшабашный сибиряк Героин:

– Где командор?! Хайрулла где?! Чарс аст?! – опять громко выпалил он, как будто знал, что афганцы туги на ухо.

Духи продолжали сверлить глазами из темноты, не двигаясь, только рука с куском лаваша опустилась вниз, так и не попав в рот.

– Ракета... Чарс аст? – продолжил допрос Гера и, выхватив осветительную ракету у Игоря, начал описывать ею замысло-ватые кренделя в воздухе перед удивленными глазами «при-видений». Афганцы оживились, зашевелились, с лиц исчезло изумление, и они стали негромко о чем-то переговариваться между собой, не сводя глаз с пацанов.

– Вот обезьяны тупорылые, – уже негромко продолжил Героин, обращаясь к ребятам, хотя продолжал внимательно смотреть на духов. – Интересно, где сарбосы и где Хайрулла? – скорее размышляя вслух, чем спрашивая у кого-то, задумчиво добавил он.

– Аст, аст чарс, – неожиданно дребезжащим голосом заговорил один из афганцев.

Он поднялся на ноги и направился к зияющей чернотой прямоугольной дыре, махая рукой ребятам и приглашая их следовать за ним. Что-то недоброе, тревожное где-то на задворках сознания неприятно коснулось души Пожидаева. То ли это было отсутствие знакомых сарбосов, то ли то, что афганцы были гражданские. Или в их приватном разговоре между собой он интуитивно услышал какие-то злые нотки. Но, видя, как уверенно вслед за «дребезжащим духом» последовали разведчики, Сергей выбросил из головы эту «тихую тревогу»

и пошел вслед за ними.

1

Шарваль-камиз

–

длинная,
до колен рубаха из грубой ткани.

2 *Читраль* – головной убор.

40

Они тут же попали в совершенно темный, узкий, длиной не больше трех метров коридор, в конце которого еле теплился свет. И стало понятно, что он идет откуда-то снизу. В конце

коридора были ступеньки, ведущие вниз. Когда по ним начал спускаться дух, ребята замешкались, и Гера спросил:

– Ты куда, обезьяна, нас ведешь? – думая, что афганец не понял его и ведет что-то показать. – Чарс, дебил, чарс! – до-бавил он.

– Чарс, чарс, – ответил афганец и опять поманил рукой. Опять эта тихая тревога, которую Серый, казалось, прогнал,

появилась все там же, на задворках сознания. И опять, видя, как Героин стал опускаться вниз, он попытался прогнать ее из своей головы. Но на этот раз она не уходила, а опустилась куда-то вниз, в душу. Но, несмотря на это предчувствие, Пожидаев пошел вслед за Сарычевым.

Спустившись вниз, они попали в довольно большую комнату с очень низким потолком, которая также еле освещалась керосиновой лампой. Скорее всего, это было бомбоубежище или просто комната, где спали сарбосы, прячась от жары. По периметру возле стен прямо на глиняном полу на тюфяках лежали семь духов и о чем-то разговаривали. Все они были гражданскими. Афганцы тут же вылупились на ребят. И в этих черных глазах было не только удивление, в них явно блестела ненависть. «Дребезжащий» тут же что-то стал им говорить своим странным голосом. И, пока он говорил, трое из них под-нялись со своих тюфяков и сели на корточки. Тихая тревога начала разгонять кровь по венам Сергея, пульсирующую в его сознании, задавая один-единственный вопрос: «Какого хрена мы не взяли автоматы?»

Тут в разговор афганца опять вмешался Гера:

– Ракета, – показывая ее духам, – чарс, – но уже он не кричал,

и в его голосе не было столько уверенности и наглости, как вначале. В нем чувствовались нотки страха, который вместе с ненавистью, блестящей в черных глазах, проник и к нему в душу. Эти ноты хоть и были еле уловимыми, но они тут же холодком пробежали по спине Пожидаева и, слившись с тихой тревогой, защемили в сердце, превращаясь в страх.

Краем глаза Пожидаев увидел, как из полумрака, где были ступеньки, выплывает вороненый ствол. Это был дух, который остался наверху. Через секунду показался и он. «Вороненый ствол» оказался «Буром»¹, который тот сжимал в своих руках. Моджахед улыбался, оголяя желто-коричневые зубы, подобно хищнику, который радуется тому, что его жертва уже никуда не денется. С этим подобием улыбки он произнес:

– Дасти², шурави.

При этом он махал стволом вверх и вниз, показывая, чтобы они подняли руки вверх. Эта «улыбка», наполненная злостью

и еще чем-то демоническим, тут же дала обильную пищу страху. И он с невероятной силой сковал все члены у Сергея, а в сердце воткнул свое жало, наполнив его щемящим холодом. Время остановилось...

Пацаны стояли в цепочку, как и вошли: первым стоял Гера, за ним – Сергей, и справа от него, рядом с выходом, – Игорь. А вороненый ствол в нескольких сантиметрах смотрел ему в висок. В руке Сарычев держал ракету, Алехин держал мешок с ними, а у Пожидаева была только банка сгущенки в кармане.

Эта «улыбка» мгновенно заразила других духов, и они тоже «заулыбались» и тоже оголили свои зубы на черных лицах. В комнате началось движение. Афганцы как-то медленно начали вставать с тюфяков, наверное, думая, что пацаны никуда уже не денутся. А может, это просто так казалось Сергею. Несмотря на требование моджахеда, никто из пацанов не поднял руки. Сергей, может быть, и поднял бы их, но они налились свинцом

и были неподъемными. Но душман особо и не требовал этого, он лишь продолжал «улыбаться»...

Сознание Пожидаева, скованное страхом, опять не выдавало никакого решения. В голове крутилось только одно слово: «Пиз...ц». «Дребезжащий» повернулся лицом к нему. В руке у него блеснул нож. И, как-то медленно размахивая им (наверное, это опять так казалось Сергею), он вкрадчиво продребезжал:

– Шурави, – и тоже «заулыбался».

В эту секунду Алехин уронил на пол мешок с ракетами, дух

1 «

Бур»

– английская дальнобойная винтовка, оставшаяся с тех времен, когда Афганистан был английской колонией.

2 *Дасты* – руки вверх.

42

с «Буром» перевел свой взгляд на него, и тут же Игорь ударил рукой по винтовке... но промахнулся. Афганец, среагировав, поднял ее вверх. Рука, описав дугу и не встретив никакого сопротивления, еще не успела вернуться в исходное положение, как раздался щелчок затворной рамы – осечка. Моджахед, не ожидавший такого поворота, несколько замешкался и опустил ствол, пытаясь перезарядить. В это мгновение Алехин ударил его изо всех сил в

лицо. Афганец упал на ступеньки навзничь, нелепо раскинув руки и выронив винтовку. Было понятно, что он потерял сознание.

Одновременно с этим Героин наотмашь тыльной стороной ракеты заехал в лоб «дребезжащему», который уже положил руку на плечо Пожидаева и приблизил нож к горлу. Тот, так же вскинув руки вверх, упал на землю, но сразу же начал подниматься. Из рассечённого лба тонкой струйкой по лицу побежала кровь. Остальные афганцы тотчас бросились на мальчишек...

– Лягай, суки! – раздался душераздирающий вопль Игоря, поднявшего руку вверх, в которой держал «эфку». Другую руку он вытянул перед собой, демонстрируя сорванное кольцо. Увидев гранату и услышав вопль разведчика, духи замерли в тех позах, за которыми застал их крик Алехина.

– Лягай, суки! – еще раз проорал он и начал махать «эфкой», угрожая, что сейчас бросит ее. Скорее телодвижения Игоря и его интонация, а не смысл сказанного дали понять моджахедам твердое намерение разведчика. И по тому, как он это делал, у них не было сомнений – он ее бросит... Они, спасая свои шкуры, начали по одному укладываться на пол...

Тут же Сарычев принялся скручивать колпачок с ракеты и, схватившись за выпавшее кольцо, прицелился в лежащего «дребезжащего». Потом, глянув на пацанов, выпалил скороговоркой:

– Как только выстрелю, бежим, – и сразу добавил: – Лежать, суки!..

Гера промазал, он просто не удержал ракету в руках, она была мощной, и с руки ее пускать было нельзя, только с упора, поэтому при выстреле ее конец задрался вверх, а сам огонь ударился в противоположную стену. Отскочив от нее, он пролетел, жужжа и шипя, над головой Пожидаева и, опять ударившись о стену, полетел уже наискосок, в противоположную сторону.

Комната наполнилась ослепляющим светом и белым дымом.

Дальнейшего движения горячей ракеты ребята не видели...

Они, словив зайчиков, практически на ощупь выбежали в комнату, с которой все началось. Остановившись на секунду, чтобы немного навести резкость, мальчишки с трудом начали различать друг друга. Их лица исказило чрезмерное волнение. Сквозь белые пятна в глазах Сергей увидел, что в одной руке Алехин держит гранату, в другой – «Бур». Он его схватил на автомате. Керосиновая лампа так и продолжала мирно чадить, закапчивая и так уже черные стены. И чайник, некогда принадлежавший ОКСВА, так и продолжал мирно стоять, выглядывая из полумрака серым дюралюминием.

Не говоря ни слова, Игорь развернулся и через секунду оказался возле светящегося прямоугольного проема – граната полетела в сторону распространяющего света... Как только Гера на ходу непонятно зачем захлопнул за собой дверь, она тут же распахнулась настежь, скрипнув ржавыми петлями, вы-пустив наружу остатки ударной волны и звуки разорвавшейся гранаты...

Все два километра они бежали молча, не оглядываясь. И, наверное, побили все свои мыслимые и немыслимые рекорды по скорости. Уже подбегая к нашей колючке, Игорь заметил у себя в руке тяжеленный «Бур». Он просто разжал кисть руки,

и английская винтовка растворилась в ночной мгле. Ребята свистнули, как условились, караульному и, перелезши через лаз, направились в сторону расположения полка.

– А бакшиш¹, пацаны? – окликнул их постовой.

Они остановились. Пожидаев задумался на миг, припоми-ная, что он обещал бойцу. Он совершенно не чувствовал банку сгущенки у себя в кармане и, похлопав по ним руками, махнул ему. Караульный подбежал к ним и удивленно спросил:

– Что с вами, мужики? Почему вы такие бледные и что так тяжело дышите? Что случилось? Я вроде как слышал, что-то рвануло, где духовская застава.

Сергей молча протянул ему банку сгущенки. Постовой взял ее добавив:

1
Бакшиш
–
подарок.

44

– А чарс есть?

Но Пожидаев уже быстро шагал от него, пытаясь догнать разведчиков...

Войдя в поварскую каморку, Сергей сразу же полез на по-толок, там в заначке стоял солдатский 12-литровый термос с бражкой. Гера принял его у Пожидаева, тут же начав разли-вать брагу по кружкам. Пожидаев, спустившись вниз, схватил кружку и, как только оторвал ее от стеллажа, увидел, что она неконтролируемо принялась летать по воздуху, разливая драгоцен-ную жидкость. Когда кружка описала пару-тройку кругов в пространстве, истратив при этом больше половины содержимого, Сергей с криком «Бл...!» швырнул ее в стену.

И стойкий запах брожения наполнил подсобку.

– Сядь, Серый, отдышись, делай глубокие выдохи, успокой-ся, сейчас отпустит, – наставительно-успокоительно сказал ему Гера. Это были первые слова, с тех пор как он крикнул на духов: «Лежать, суки!» Выпив кружку залпом и налив себе еще, он добавил: – А откуда взялась граната, Игорек?

– Да здесь, в каморке, взял, на полке лежала, когда ракеты в мешок клали, чисто механически, на всякий. Вон там еще РГДшка¹ лежит, – и он указал рукой, где, отсвечивая цветом хаки, лежала граната.

– Ты нам жизни спас, – ответил Гера.

– Да ладно... – отозвался он.

И они замолчали. Только примерно через час Серого пере-стало трясти и он смог выпить первую кружку браги, потом еще одну, потом еще и еще... Втроем они почти опустошили термос на две трети, но были совершенно трезвы и за все время не проронили ни слова. Наконец затянувшееся молчание пре-рвал Гера и, смачно выругавшись, произнес:

– Завтра пойду к взводному и сравняем этот гадюшник с землей. Ни одна падла не уйдет.

– Успокойся, Героин, никуда ты не пойдешь. Что ты ему скажешь, какого хрена мы там ночью делали? – ответил ему Игорь. – Вот то-то. Никуда мы не пойдём. И для всех нас будет лучше, если, кроме нас троих, ни одна душа не узнает об этом.

1

РГДшка

–

наступательная граната РГД-5.

45

Да и сам рассуди, то не духи были. Во-первых, у них из оружия только один «Бур», да и тот говно, хотя я ему жизнью обязан. Во-вторых, вспомни духов, этих фанатичных придурков. Разве моя граната остановила бы их? Да они бы нас порвали, как Тузик грелку, на лоскуты, на память себе бы резали. Это какие-то залетные дехкане. Правда, какого хрена они делали на сарбосской точке ночью? А зачем мы им понадобились, это нетрудно объяснить. Продали бы в банду по сходной цене или изнасиловали, кишки на шею намотали, засунув наши гениталии в рот, а может, в рабы к себе забрали. В общем, вариантов уйма, как трех дебилов без оружия наказать.

– А куда делся Анзур? Ведь, когда мы бежали, его на посту не было... – впервые за все это время заговорил Сергей. То ли бражка ему язык развязала, то ли шок, в котором он на самом деле до сих пор пребывал, постепенно растворился в стенах родной каморки, кто знает.

Но только, когда он вернется домой, ему очень часто будет сниться этот постовой Анзур и «улыбка» «дребезжащего», похожая на улыбку смерти.

– А хрен его знает, – ответил Гера и добавил: – А ты почему Игорек «лягай» закричал? – и расхохотался.

– Не знаю, – ответил Алехин и тоже покатился от смеха. Тут же к ним присоединился Пожидаев. Пацаны не могли

успокоиться минут сорок. Они плакали от смеха, порой за-дыхаясь от нехватки воздуха, иногда вроде успокаивались, но потом новый взрыв хохота сотрясал стены подсобки... Стрессу нужно было выйти наружу, и нервная система включила за-щиту, освобождая ребят от него смехом. А может, это их душа радовалась, что они не погибли в страшных муках? Кто знает...

Наконец еле-еле успокоившись, Игорь серьезно произнес:

– Пора возвращаться в палатку. Скоро подъем...

46

Глава IV

Как только ушли разведчики, Сергей тут же отключился, хотя казалось, спать совершенно не хотел, но огромное количество выпитой бражки хоть и не опьянило его разум, но выключило, как будто кто-то в мозгу дёрнул за невидимый рубильник. Все попытки алкоголя пробиться в глубь сознания Сергея были безуспешны – нейроны, скованные стрессом, держали мертвую круговую оборону. По мере усвоения веселящего напитка с каждой минутой концентрация спирта в крови увеличивалась, и, дойдя до критических показателей, алкоголь чисто физиологически подавил всякую активность мозга. Что-то подобное стало происходить и во внешнем мире, и в сознание Пожидаева кто-то настойчиво стал пытаться проникнуть, только это уже была не бражка...

Где-то с неделю назад зампотыл приказал хранить хлеб в подсобке у Сергея, т. к. хлебо-резка часто подвергалась раз-граблению нарядом по столовой. Как обычно, в пять утра привезли хлеб из 101-го полка, где была своя хлебопекарня и который находился в пяти километрах от 12 -го Гвардейского. Прапорщик Гуляев на автомате постучался в подсобку, зная, что там спит Пожидаев. В ответ на первый стук – тишина. Тогда прапорщик постучал более настойчиво по двери косточками пальцев – глухо. В третьей попытке разбудить повара были уже удары кулаком в сопровождении негромких вы-криков: «Сергея, вставай! Серый, проснись! Открой дверь!» Безмолвие. Четвертый приступ двери был в виде долбежки её яловым сапогом, кулаками и криками: «Рядовой Пожидаев, подъем! Встать! Открой, падла!» Тишь да гладь. На пятой по-пытке Гуляев вообще озверел. И даже не оттого, что сильно хотел спать,

т. к. всю ночь прождал в очереди за хлебом, а из-за того, что какой-то чижара спокойно дрых в каморке, а он, целый прапорщик, заместитель начальника столовой, вы-нужден тут плясать возле закрытой двери. Гуляев дубасил по двери рукоятью пистолета, руками и ногами, вопя проклятия

и угрозы, призывая в свидетели двух рядом стоящих солдат, утверждая, что он все же откроет подсобку и убьет Пожидаева, пристрелит как собаку...

47

Дверь звенела, трещала, стонала и даже порой, казалось, как-то поскуливала, но стойчески держала натиск взбешенного прапорщика. Но вдруг она стала издавать какие-то свои звуки: из ее недр четко прозвучал щелчок, потом другой. Потом, скрипнув петлями, она открылась...

Гуляев было ринулся внутрь и уже наклонил корпус вперед, но вместо этого мгновенно отскочил в сторону. Два солдата с лотками хлеба в руках, наблюдавшие во все глаза за штурмом двери, увидели, как из открывшегося проема вырвалась струя светло-бежевой жидкости, затем показалась голова Пожидаева,

и из нее опять вылетел фонтан, заливая бетонный пол кори-дора. Следом показался полностью и повар, который, даже не нагибаясь, продолжал стоять под давлением, струей изрыгая из себя чистую бражку, о чем свидетельствовал жесткий запах, моментально распространившийся по коридору. Прапорщик, переждав «извержение Везувия», подскочил к Сергею и со всего маху ударил его в лицо. Тот обратно залетел в каморку и, упав навзничь, тотчас опять отключился: алкоголь снова взял верх над его сознанием.

– Ну, сучара, погоди у меня, – прошипел Гуляев, глядя на спящего Пожидаева. Потом добавил: – Заходите, ставьте лотки, а этого положите на кровать.

Дождавшись, когда разгрузят весь хлеб, Гуляев закрыл многострадальную дверь подсобки и зашагал в сторону офи-церских модулей, прямо к зампотылу Фурса, пока «птичка не вылетела из клетки».

Сорвавшись со своей лавочки, где густой аромат цветущих деревьев только что наполнил сердце Сергея радостью, он понесся во весь дух по каким-то дебрям. Кто-то страшный, неведомый, огромный гнался за ним. Он чувствовал затылком его смердящее теплое дыхание и, как бы ни старался, оторвать-ся от преследователя никак не мог. Вдруг дебри еще больше сгустились, ветки стали больно хлестать его по щекам. Сергей пытался защитить свое лицо

руками, но жесткие прутья ко-рявых деревьев какого-то заколдованного леса таинственным образом проходили сквозь блоки и били все сильнее и больней, сильнее и больней, сильнее и... Он проснулся и открыл глаза...

48

Над ним стоял подполковник Фурса и отвешивал ему по-щечины, пытаясь разбудить, а когда увидел, что Сергей открыл глаза, проорал:

– Встать! На губе сгною! Встать!

Пожидаев еще несколько секунд не понимал, что происходит. Осознав, попытался вскочить на ноги, но его так мотнуло, что он тут же завалился на стену. В этот же миг, оттолкнувшись от нее и все же поймав равновесие, Сергей постарался встать

в стойку «смирно». Подсобка кружила хороводы из кастрюль, коробок, мешков и хлеба. И в этой пляске мелькало усатое лицо зампотыла. Потом эти «усы» стали рывкать семиэтажные маты и угрозы, потрясая перед лицом Сергея солдатским 12-литровым термосом, в котором хлопались остатки бражки. Это был первый, но далеко не последний «залет» Пожидаева.

Опять мелькнула знакомая тень в посудомойке, когда Пожидаев проходил мимо нее. И он, войдя в подсобку, спросил Игоря:

– Вы что, отходы не выносили?

– А что? Завтра с утра вынесем. Неохота по ночухе с ними шарахаться. Пока дойдешь до арыка, все ноги себе перелома-ешь. А что случилось?

– Да ничего. Снова Козленок парашничает¹. Я ему уже говорил, чтоб приходил вечером ко мне. Всегда найду, что пожрать,

а он за свое. Вкуснее, что ли, эти помои? – ответил Сергей и уселся на стеллаж.

– Взрывайте², я сейчас, – сказал Алехин, протягивая Пожидаеву косяк, и выбежал из подсобки.

Не успел Сергей передать сигарету с гашишем Гере, как на пороге каморки появился Игорь, таща за шиворот тощего высокого парня в потрепанном грязном бушлате, в засаленных штанах и в облезлой зимней шапке. Руки у него были черны и покрыты коростами. Лицо было очень худое и изнеможенное, и на нем хлопали длинными ресницами огромные глаза. Их разделял классический греческий нос. Было понятно, что если

Парашиничать

(сленг) –

есть пищу низкого качества,
испорченную или
отходы.

2 *Взрывать* – прикуривать сигарету с наркотиком.

49

бы его отмыть и откормить, стерев с лица испуг, то он был бы красив собою. Но сейчас Андрей Козлов по кличке Козленок представлял из себя жалкое зрелище, добавляя к нему печаль-ный тон какого-то писка, который он издавал, когда его тянул Алехин.

– Козленок, я тебе говорил, чтобы ты не лазил по параше, или нет?! – на повышенных тонах, с раздражением спросил Сергей, передавая косяк Героину.

Но Андрей молчал и только затравленно озирался на стоя-щего сбоку Игоря, ожидая получить от него удар. Алехин дер-нулся, имитируя удар. Козлов, пригнув голову, подставил руку, как-то весь изогнулся, скукожился, став в два раза меньше, и издал какой-то грудной жалобный не то стон, не то крик, ко-торый действительно был похож на бляенье козленка.

– Да не трогай его, Игорек, а то помрет еще сейчас, – сказал Сергей.

– Да на хрен он мне нужен – руки марать. Козленок, зачем парашу жрешь? Что, вкусно? Андрей продолжал молчать, он лишь только начал интен-сивно чесать в районе пояса.

Это не ушло от взора Героина,

и он, отдавая дымящую сизым дымом наркотика сигарету Алехину, сказал:

– Да у него бэтээры¹, он весь чухается.

Игорь, стоящий рядом с Козловым, брезгливо поморщился

и отошел на метр от него, спросив:

– Козленок, а когда ты в последний раз мылся или стирался? Что-то от тебя бахчит² не по-детски.

В ответ было стабильное молчание, лишь только Андрей стал чаще испуганно озираться на всех. В его обреченных глазах было написано: его будут бить по-любому, это всего лишь вопрос времени.

– Слушайте, а давайте его помоем, заведем прямо в посу-домойку – и со шланга. Вода хоть и холодная, но ничего, надо же хоть раз в год мыться, – предложил Пожидаев, принимая косяк. – Козленок, а когда тебе домой? – продолжил он.

1

Бэтээры

–

бельевые вши.

2 *Бахчит* – воняет.

50

– Через четыре месяца, – наконец-то заговорив, ответил Андрей, и его голос оказался неожиданно приятным, вовсе не соответствующим только что услышанному «блеянию».

– Ни фиги себе. Да ты дедушка? Ну вот, как раз на четыре месяца хватит. А перед дембелем подойдешь ко мне, я тебя еще раз со шланга окачу. Давай... пойдём в посудомойку, я не шучу, – сказал Сергей и, свистнув догорающей пяткой косяка¹, добавил: – Если не хочешь получить пиз...ей, то пойдём.

Козлов развернулся и направился в сторону посудомойки. Он шел как вол на убой. Его опущенные плечи и голова, его походка говорили о том, что всякая воля у этого человека уже давно сломлена, всякое достоинство раздавлено страхом быть избитым, что он движим животным инстинктом самосохранения: хоть что – лишь бы не били. За ним, подтрунивая, по-следовали разведчики вместе с Пожидаевым.

– Раздевайся, – скомандовал Героин, – только вещи свои складывай вот на тот железный стол, потом помоешь его.

Козлов, даже ни разу не возразив, стал раздеваться. Под ветхим бушлатом оказалась засаленная, как и штаны, гим-настерка, подворотничок отсутствовал. Естественно, пацаны начали комментировать увиденное, чтобы от человеческого достоинства не осталось и следа. Они, конечно, не понимали, что этими словами добивают те остатки человека, которые еще тогда теплились в душе у Андрея.

– Вот, а я уж боялся, что под бушлатом будет чистая хэбэш-ка. Теперь вижу – комплект. Жаль, здесь рыбу ловить негде, а то, где червей копать, я уже знаю, – саркастически улыбаясь, сказал Героин. Этой фразой, как он и ожидал, Сарычев вызвал взрыв смеха у своих товарищей, которые, подогретые гашишем, только и ждали каких-нибудь острот, чтобы поржать.

Под гимнастеркой было теплое зимнее белье серого, ме-стами черного цвета. То тут, то там на нем были задубелые бурые пятна.

– А это что? С расстрелянного товарища снял? – продолжая издеваться, удивленно-вопросительно спросил Гера.

И опять взрыв смеха.

1

Пятка косяка

–

остаток сигареты,
набитой гашишем.

51

– Да нет, Героин, это на случай, если на червя рыба брать не будет, то тут опарышей можешь накопать, – отдышавшись от смеха, вставил свои две копейки Пожидаев, чем вызвал новую волну истерического хохота.

Тем временем Козлов молча, с опущенной головой продолжал раздеваться и, сняв нательную рубашку, оголил свой торс. Мальчишки непроизвольно отступили на шаг назад и прекратили смеяться. На исхудалом теле, на котором можно было пересчитать все ребра, повсюду были синяки и кровоподтеки, но не это оттолкнуло пацанов, а зияющие язвы в районе пояса

и подмышек, кишасшие бельевыми вшами.

– Твою мать, не хватало еще от Козлика бэтэров подцепить. Может, зря мы все это затеяли? Пусть трясёт горбом отсюда, а? – разочарованно спросил Игорь. – Я его, блин, за шиворот брал, – и он брезгливо стал вытирать руку тряпкой, которую взял со стола.

– Нет, продолжим, ты просто близко не подходи, – ответил Гера и добавил: – Снимай сапоги и штаны.

Козлов было хотел присесть, чтобы снять сапоги, но Сарычев выкрикнул:

– Стоять!

Балансируя на одной ноге, Андрей стащил первый сапог.

– Да ты охренел, Козлик! – подняв брови, скорее выражая свое удивление, чем претензию, выдохнул Пожидаев.

Дело в том, что, когда Козлов снял сапог, особой визуальной разницы не было:– нога была абсолютно черная. Вернее, не вся нога, а та часть ноги, где заканчивались галифе, – ступня

и лодыжка. Портянка на ней почему-то отсутствовала.

– А ну, снимай второй сапог, – рассматривая ногу, в приказной форме добавил Сергей.

Вторая нога была такая же. А когда Козлов снял галифе, обнаружилось, что подштанников, как и трусов, на нем нет, и он оказался абсолютно голым. Рассматривая его, пацаны неприязненно кривили губы: голени все в кровавых ссадинах – результат ударов сапогами по кости, в районе паха также зияли язвы, по которым бегали потревоженные бельевые вши.

– А как ты спишь в роте, Козлик? – удивленно спросил По-жидаев. – Как тебя пускают в палатку?

52

– Да никак, – вместо Андрея ответил Героин. – Его уже давно не пускают в роту, даже на разводах его нет. Он с утра до вечера на вещевом складе уголь колет, разгружает, перебирает.

А где спит, хрен его знает.

– Козлик, где ты спишь? – заинтересовался Сергей. Андрей молчал, опустив голову.

– Козлик, где ты спишь? Ты что, оглох? – повторил он. Тишина.

– Ты что, сука, терпение мое испытываешь? – не унимался обкуренный повар.

Но Козлов продолжал молчать, он лишь прикрыл свои ге-ниталии руками, стесняясь своей наготы и, очевидно, ожидая удара в эту область. Не понимали разведчики вместе с поваром, что никакие побои не заставят Андрея сказать, где то место, тот островок, в котором он прячется от равнодушных офицеров, от жестоких солдат, от человеческой злобы, издевательств, глумления, садизма, боли... Конечно же, в его убежище не было белых больших вишневых деревьев, не было шумной компании, беспричинно радующейся своей молодости и беззаботности. На его островке было одиночество, холод и голод, но в нем его никто не унижал, никто не бил...

– Ну, урод! – выкрикнул Сергей и, подскочив к Козлову, ударил его в тощую грудь.

Одновременно с глухим звуком от удара Андрей издал короткий стон и тут же накрыл свою худую грудь руками, по-хожими на плети. Пожидаев отступил на два шага и замер... В момент, когда он бил Козлова, их глаза встретились, и Сергей за сотую доли секунды увидел в этих больших глазах с длинными ресницами столько человеческой боли и страдания, что ему стало как-то не по себе. Это чувство начало бродить в его душе, обращаясь к его состраданию, которое спряталось под опьянением от гашиша, под напускной бравадой, под неписанным законом 12-го Гвардейского полка: «Бей кого ни попадя, чтобы тебя уважали».

Это был первый и последний раз, когда Сергей ударил «чмошника»¹, да и впоследствии, будучи дедушкой, он ни разу не поднял руки на чижика. Эти огромные глаза с бездонной

1
Чмошник

—
морально и физически униженный солдат.

53

человеческой болью, которые безмолвно молили о пощаде, так, что никакие слова не могут это выразить, будут потом долгое время сниться Пожидаеву вместе с караульным Анзуром и «дребезжащим».

— Ты что, Козлик, молчишь? Хочешь, чтобы я тебя хлопнул? – видя, как почему-то повар смутился, вмешался Игорь. – Если я приложу, в лучшем случае в груз 300 превратишься. Ну а если карта хреново ляжет, то в 200.

— Да ладно, Игорек, хрен с ним. Какая разница, в конце концов, где у него берлога, – борясь с неведомым чувством, вступился за Козлова Сергей. – Давай ополоснем его. Сейчас я мыло хозяйственное принесу, а вы пока шланг на кран наденьте.

Когда Гера мыл Козлова со шланга, то Пожидаев, смотря, как тот покорно стоит под струей холодной воды, чувствовал, как и прежде, к нему отвращение, но к этому чувству начали примешиваться жалость и сожаление от того, что зря все это он затеял, а больше всего его угнетало то, что он его ударил. Вместе с мылом Сергей принес простынь и новое нательное белье, правда, летнее. Наверное, подсознательно он хотел откупиться за свой поступок. Кинув Андрею это, Пожидаев в приказном тоне произнес:

— Простыней вытрешься, потом можешь порвать себе ее на портянки. И нательное надень, которое я принес, а свое выкинь.

Андрей покорно сделал, как сказал ему повар, и когда на-девал засаленное хэбэ, то из внутреннего кармана выпало до-вольно красивое кожаное портмоне. Не ожидая такое увидеть, разведчики и Сергей выпучили удивленно глаза, а Героин, свистнув, произнес:

— Ни фиги себе... А ну дай посмотреть, – и протянул руку. Но Андрей, подняв кошелек, прижал его к груди, как что-то

очень драгоценное для него, смотря на пацанов загнанными, за-пуганными глазами, которые оставались такими же большими, красивыми, с длинными ресницами. В этом было какое-то не-соответствие – физической красоты и духовного уродства, чув-ствовалась дисгармония и какая-то фальшь происходящего...

– Да не бойся, я посмотрю и отдам, – настаивал Гера, приближаясь к Козлову.

54

Но тот продолжал прижимать портмоне к груди, при этом отступая назад.

– Дай посмотрю, – еще раз повторил разведчик. И, в эту же секунду схватив Андрея за запястье, резко вывернул его.

Бумажник упал. Козлов вскрикнул от боли. Моментально Героин толкнул его, и тот растянулся на мокром бетонном полу... Разведчик поднял кошелек...

– Отдай, пожалуйста, – вставая, запричитал Козлов.

– Козлик, посмотрю – отдам. А если подойдешь на расстояние вытянутой руки, то получишь по своим козлиным рогам, –

и Сарычев стал рассматривать содержимое портмоне. Андрей в это время на безопасном расстоянии, не замолкая

ни на секунду, умолял вернуть бумажник.

– Ни фиги себе... Вы только посмотрите, пацаны! – удивленно выпалил Гера, и Сергей с Игорем, заинтересовавшись, подошли

к нему. Героин держал в руках несколько фото, на которых была очень красивая белокурая девушка.

– Вот это номер, Козлик! Кто эта нимфа? – спросил Игорь, но Андрей как будто не слышал его вопроса и продолжал просить, чтобы ему отдали кошелек. Тут Гера перевернул фото и прочитал: «Моему герою».

– Ого, – только смог вымолвить разведчик и тут же прочитал надпись на другом фото: – Жду, люблю, – потом на следующем: – Осталось 163 дня, но уже завтра будет 162...

Все остальные фотографии были подписаны примерно так же. Дочитав, Героин спросил Андрея:

– А она не в курсе, что ты по ночам, как собака, парашу жрешь? Что живешь в норе, как мышь? Надо ее курсануть о твоём «героизме». А ну-ка, тут куча писем. И адресок обратный, наверное, есть, – добавил Сарычев вытаскивая из бумажника аккуратно сложенные письма.

Но вместо того, чтобы прочитать обратный адрес, он достал письмо и стал читать его вслух: – Здравствуй, мой единственный, мой самый дорогой человек на свете...

Тут Андрей перестал умолять, сел на корточки, закрыл лицо руками и заплакал...

Героин прочитал еще пару строк и осекся...

55

– Ладно, Козлик, на, забери свое хозяйство, – и он подошел

к нему, тыча в закрытое лицо портмоне с вытащенным из него фото и письмами.

Но Андрей не убрал рук от своего лица, а только еще силь-нее плакал, содрогаясь всем своим исхудалым телом. Разведчик еще постоял так несколько секунд и, бросив бумажник вместе с письмами и фото на стол, отошел в сторону.

А гвардии рядовой Андрей Козлов уже повалился на спину и, продолжая закрывать свое лицо руками, рыдал все сильнее и сильнее. Разведчики вместе с поваром молча смотрели на него, а он все увеличивал обороты. И наконец у него началась истерика. Андрей перестал издавать звуки, убрал руки с лица и начал колотить ими по бетонному полу, открывая рот, подобно рыбе, выкинутой на берег... Так продолжалось секунд 15–20, потом из его уст сорвался крик:

– А-а-а-а! Не хочу, не хочу! Не могу больше! А-а-а-а! Как я устал... Убейте меня, не хочу больше жить!..

– Да ладно, Козлик, перестань, упокойся. Никто не напишет никуда, – буркнул Игорь.

– Козлик, заткнись, возьми себя в руки, а то я в натуре тебя пристрелю, – добавил Героин.

Но Андрей не слышал их, он бился в истерике, как в агонии, уже лежа на животе, продолжая стучать кулаками по бетону, прося своих мучителей прикончить его. Пацаны постояли еще с пару минут, и Пожидаев предложил:

– Ладно, пойдем в подсобку, свернем стингер. По ходу, это надолго, – и, развернувшись, пошел к каморке. За ним молча последовали разведчики.

Прямо в сердце – это был контрольный выстрел, в самую душу Андрея. То святое, чистое, светлое во всем этом мраке, окружающем его, было только что растоптано и поругано. То,

ради чего он все это переносил, перестало существовать. Его лавочка, укрытая тенью больших вишневых деревьев, была сожжена... Душу Андрея Козлова наполнила холодная тьма, страх, безысходность...

Еще минут пять пацаны слышали крики, доносящиеся из посудомойки, потом все стихло. Когда они докурили гашиш,

56

Пожидаев, еле шевеля языком в пересохшем рту, с трудом вы-молвил:

– Пойду посмотрю, что там, – и, взяв банку стухи и банку тушёнки, пошел в посудомойку.

Козлов, всхлипывая, надевал бушлат, весь трясась при этом.

– На, похаваешь, – протянул Сергей ему банки, но Андрей отвернулся, взял шапку со стола и направился в выходу. Тут Пожидаев увидел в мусорном бачке бумажник и разорванные

в мелкие клочья письма и фотографии.

– Ты что, Козлик, обалдел? На фига ты это сделал?! – удивленно спросил Сергей, но Андрей молча шел к выходу. – Стой, Козлик, кому говорят, стой! – вдогонку закричал Сергей, но Андрей уже не слушался и продолжал идти.

Пожидаев услышал, как хлопнула входная дверь. Потом все стихло... Он глянул еще раз на мусорный бак с порванными фотографиями и письмами, подошел к нему, достал портмоне: «Вот ништяк. Мне как раз бумажник нужен. А то таскаю все свои документы в кулечке. Надо только будет его бензином хорошо обработать, чтобы бэтээров не подхватить». Потом взял швабру, брезгливо морщась, скинул со стола в мусорный бак нательную рубашу и простынь...

Через четыре дня на вешевом складе, где возвышались кучи угля, был найден окоченелый труп Андрея Козлова. Он просто замерз. Одет Андрей был в новое летнее нательное белье, а хэбэ, сапоги и бушлат нашли на другой стороне кучи с углем. Так никто и не узнал, где все же он прятался.

Сергей все пытался докопаться, сколько дней он там про-лежал. Но толком так ничего и не узнал. Его почему-то очень беспокоило, в ту ночь он замерз или нет...

Потом, по прошествии времени, Сергей понял, когда в оче-редной раз ему снились огромные, красивые глаза с длинны-ми ресницами, безмолвно молящие о пощаде, что неважно, в какой день замерз Андрей Козлов. Ведь контрольной выстрел был произведен там, на посудомойке. Нет, не духами, а тремя обкуреными чижами. Так, ради хохмы, от нечего делать...

Много еще Пожидаев, идя по жизни, сделает неправильных, плохих поступков, о которых потом будет сожалеть, но этот,

57

хотя уже прошло тридцать лет с тех пор, всегда вызывает в нем наиболее острое желание отмотать все назад. Но время вспять не повернешь, и история не знает сослагательных наклонений.

И когда часто по неведомым причинам в его голове возника-ют огромные глаза, то им вторит давно ставшая хронической тихая, тупая боль в сердце...

А бумажник Андрея Сергей зачем-то носил еще много-много лет. Портмоне от времени истрепывалось, но он упорно чинил его, подклеивая и подшивая, хотя давно мог купить себе новый... Но потом все же, пронесив лет пятнадцать, Сергей потерял его. Но как и при каких обстоятельствах, Пожидаев не имел понятия. Бумажник как в воду канул...

С еще одним подобным «выстрелом» Сергей столкнулся уже дома. Только в этот раз не он жал на «курок», но произведен он тоже был там, в далеком Афганистане, смертельно ранив его знакомого, и «пуля», засевшая в сердце, убила его через несколько лет...

В военкомате, войдя в кабинет, который ему указали, Пожидаев столкнулся нос к носу со своим старым знакомым, которого знал еще с детства. Тот получал юбилейную медаль: «70 лет Вооружённых сил СССР», за которой, в общем-то, Се-рега и приперся туда.

– Привет, Толик! Ты что, тоже там был?! – радостно вос-кликнул Сергей, протягивая руку для приветствия.

Но Хмырь, такая кличка была у Толика с детства, особо не обрадовался и как-то вяло ответил, пожимая протянутую руку:

– Привет, да, был.

– А где? – на той же пафосной ноте продолжил Пожидаев.

– В Шинданде, – все так же вяло и сухо ответил Толик.

– Да ладно... Я там в госпитале лежал, да и так, покуда был поваром, много раз ездил на продуктовые склады. *(В Шинданде дислоцировалась 5-я Гвардейская мотострелковая дивизия, одним из ее полков был 12-й Гвардейский мотострелковый).*

А я в Герате служил вначале поваром, потом в пехоте. А ты кем?

58

– В артиллерии. Ну ладно, мне надо идти, – и Толик, как-то пряча глаза, начал протискиваться к двери, проход к которой перегородил Пожидаев.

– Да ты что, Хмырь? Подожди меня. Сейчас я медаль по-лучу – пойдем в парк, пива для рывка хряпнем.

Но Толик, совсем смутившись, начал что-то бубнить себе под нос, продолжая протискиваться к двери, отстраняя с про-хода Сергея. Пожидаев, опешив от такого поведения, взял за руку Толика и, слегка дернув за нее, спросил:

– Хмырь, да ты что? Что с тобой? – заглядывая ему в глаза. Но Толик, окончательно оттиснув Пожидаева от двери,

выскользнул в коридор и спешно пошел по нему к выходу. Что-то знакомое показалось Сергею в его походке, незаметной, вкрадчивой и в то же время быстрой. Где -то такое он уже ви-дел. Это неприятно потередило его душу. И он задумчиво еще некоторое время смотрел вслед Хмырю, который уже давно исчез из виду...

Динская – относительно небольшая станица. И сверстники, проживающие в ней, как правило, тогда, в далеком 1988-м, зна-ли друг друга если не по имени, то визуальнo точно. Сергей по возвращении из Афганистана вел достаточно бурную жизнь, прожигая молодость, тусовался на всевозможных движухах, посещая разные компании и отвисая на разных блатхатах, но Толика Пожидаев не встречал нигде. Когда он спрашивал о нем, никто не знал, где он, и никто его не видел.

Шло время. Сергей забыл про Хмыря совсем, тем более он был ему просто знакомый из детства. Где-то лет через шесть или семь с тех пор, как Пожидаев вернулся из армии, он, собрав разный мусор из дома и загрузив в машину, повез его на свалку, которая была сразу за станицей. Подъехав к ней, он стал выгружать мусор. К нему, как обычно, подбежали ее жители и сразу же начали перебирать выбрасываемый им хлам. Среди них мелькнуло знакомое лицо. Сергей внимательно всмотрелся

в закопчѐнное, загорелое, худое лицо и тут же узнал Толика.

– Хмырь, это ты? – задал он нелепый вопрос, еще не веря увиденному.

– Да, я, – ответил тот.

59

– А что ты тут делаешь? – еще большую нелепость спросил Пожидаев.

Но Толик не ответил и, перестав рыться в мусоре, быстро зашагал в глубь свалки. Сергей молча смотрел ему вслед... И опять что-то неуловимо знакомое он увидел в быстрой и в то же время неприметной походке Толика... И тут его осенило: точно так же шел Андрей Козлов тогда по коридору в столовой...

А примерно через полгода Пожидаев узнал, что Толик умер, выпив на свалке какую-то гадость, – чей-то «выстрел» из да-лекого Афганистана все же достиг своей цели, просто «пуля» была замедленного действия...

60

Глава V

Все же молодость – это круто, когда ничего не болит, даже после страшного перепою бражкой. Только путаются мысли, события и лица, как в песне у Высоцкого: «Ой, где был я вчера». Еще один огромный плюс в молодости – это энергия, которая движет человеком, несмотря на все физические, химические и биологические законы. Но все же есть допустимый предел и

у молодого организма. Наверное, к нему и подошел Сергей в тот день, когда, пошатываясь, он ходил по варочному цеху... Уже пошел третий месяц с тех пор, как полк был в рейде, а Пожидаев так и продолжал готовить один на 300 человек. Все его попытки найти себе подсобника потерпели фиаско. Он не-сколько раз подходил к зампотылу, прося хоть кого-нибудь себе в помощь, но в ответ только слышал: «Хорошо. Я понял. Скоро будет. Потерпи немного». И тут можно вспомнить другого классика: «Да только воз и ныне там». Тяжелый ежедневный физи-

ческий труд без выходных и проходных; отсутствие нормального сна – три-четыре, максимум пять часов в день – плюс частое злоупотребление по ночам с разведчиками чарса и браги

подточили силы Сереги...

Ночью они неслабо посидели с разведкой, нажравшись бражки, шлифанув ее хорошим пакистанским чарсом. И теперь Сергей, слабо соображая, что происходит вокруг, пытался приготовить обед. Еще пару недель назад после таких посиделок он легко бы прыгал по варочному цеху, но теперь его «моторе-сурс» был на исходе: все плыло в глазах, и голова совершенно отказывалась работать. Завтрак каким-то чудом прошел, хотя он смутно помнил, как его готовил. Да и он, если честно, не пытался этого делать. Раз никакой офицер «не подъехал с предьявами», значит, все прошло нормально.

Вот так, пошатываясь, он шараялся между пятисотлитровыми котлами, смотря мутными глазами на наряд по столовой, что-то ему говоря и одновременно мечтая: «Эх, загаситься бы где-нибудь и проспать суток двое-трое кряду не вставая». В его мечты о сне непрерывно вмешивался свист предохранительного клапана, который истошно шипел и свистел, выпуская струю пара вверх, сбрасывая избыточное давление кипящего внутри котла горохового супа.

61

«Ладно, сейчас дорежу картошку, тогда открою котел, и ты заткнёшься, – мысленно заговорил Серый с клапаном. – Под давлением быстрее сварится горох, если что. Свисти, хоть засвистишь, меня этим не прошибешь», – продолжал он свой диалог, хотя свистящая железка вряд ли читала его мысли и поэтому, не обращая внимания на его аргументы, продолжала выть на весь варочный цех.

Дорезав картофель и слив воду из пятидесятилитровой кастрюли, Пожидаев потащил ее волоком по полу к свистящему котлу. Став на бетонный приступок, он начал снимать запоры

с крышки, намереваясь забросить картофель в суп, и при этом продолжил прерванный «разговор»:

«Ну, что, все воешь? – спросил он клапан и, не дожидаясь ответа, добавил: – Ну-ну, ваша песенка спета. Сейчас будет фокус-покус: раз, два, три – закрой свой рот», – и в этот момент Сергей открыл последний запор...

Сплошной туман в голове у Пожидаева, застлал в его разуме элементарную вещь, которую он знал, как «Отче наш»: когда кипит гороховый суп в котле, то необходимо выключить пар и минут пять лить холодную воду на крышку котла для ее охлаждения, и только тогда

можно осторожно открывать. Го-рох при варке имеет свойство повышенного пенообразова-ния, вследствие чего наружу стремится вырваться не только пар, но и кипящая вода...

Тяжелая крышка от бешеного давления подлетела с огром-ной скоростью, и из недр котла, словно светло-желтый гейзер, вылетел гороховый суп, залив все вокруг, в том числе и По-жидаева... Какие-то секунды Сергей не понимал, что произо-шло, он так и продолжал стоять на бетонном приступке, но то, что что-то произошло, его затуманенный мозг все же осознал. Окинув себя взглядом и увидев поднимающийся пар от своего хэбэ и полуразварен-ные горошины на нем, Сергей понял, что полностью облит кипящим супом. «Немедленно в холодный душ», – это первая мысль, которая осенила его затуманенный разум.

Как спортсмен стартует с низкого старта после выстрела судьи, так Пожидаев кинулся от котла, но тут же поскольз-нулся и растянулся на бетонном полу. Боль словно гналась за ним, и, как только он упал, она сразу накрыла его, став адской.

62

«Теряю время», – сквозь боль пронеслось у него в голове. И, моментально вскочив на ноги, он снова рванул к душу... и вновь упал на скользкий пол, покрытый гороховым супом, пробежав всего пару шагов. Хотя было непонятно, зачем он бежал в душ, до которого было метров двадцать пять, плюс ему нужно было открыть две двери, когда в шаге от котла был кран с холод-ной водой с прикрученным к нему шлангом для мытья пола.

В третий раз он подскочил, уже ничего не понимания, т. к. боль захватила весь его разум, но подсознание врубило его двигательную функцию на полный газ, предав направление в сто-рону душа. За происходящим с застывшими лицами на-блюдали два бойца из наряда по сто-ловой, и когда Сергей все же побежал по коридору, то они почему-то кинулись за ним.

Влетев в душ, Пожидаев на автомате тотчас скинул сапоги и снял штаны. Гимнастерку он сорвал с себя еще по дороге. Даже при тусклом свете в мутном зеркале он увидел, что весь фасад: лицо, грудь, живот, руки и ноги – были алого цвета. И только в районе сапог ноги были по-прежнему белы. Эта кар-тина немного вернула его к реальности, вырвав разум из лап боли. «Вроде кожа не слезла», – подумал он и моментально крутанул вентиль крана...

Говорят, спешка нужна только при ловле блох, имея в виду, что в противном случае она приводит к нежелательным резуль-татам. Так вот, это – правда! Сергей крутанул вентиль крана горячей воды... Тут верно еще одно наблюдение: не всегда плоды цивилизации облег-чают жизнь человеку. Хорошо, что тогда еще не был изобретен керамический кран, поэтому

струя горячей воды, вырвавшаяся из аэратора, была небольшой, но достаточной, чтоб он вылетел из душевой, наконец открыв уста:

– А-а-а-а!!! Твою мать!!! – озвучил он свое катапультирование из кабинки, чуть не сбив с ног двух бойцов, которые продолжали преследование повара до самой двери душевой и стояли возле нее. Еле успев отскочить в стороны, они продолжали наблюдать, как орущий Серега схватил трусы и, прикрыв ими гениталии, босиком выскочил из душевой... Застывшие их лица преобразились в немой вопрос с оттенком полной растерянности, и, наверное, поэтому дальше преследовать Пожидаева они не решились, боясь, что в следующий раз их близкая встреча с поваром может закончиться чем-то похуже.

63

А Пожидаев, выскочив на улицу, сломя голову понесся в санчасть, но уже без звукового сопровождения. Хоть до сан-части от столовой было всего метров двести, не больше, но все же этого было достаточно, чтобы к вечеру в полку знали все о том, как голый повар почему-то алого цвета босиком бегал по расположению части. И по этому поводу тут же были сочинены различные небылицы: от того, что у него поехала крыша, до того, что зампотыл застучал повара с поварихой из офицерской столовой, так сказать, на месте преступления. А она, повариха, была тайной зазнобой самого подполковника... В общем, все зависело от рассказчика и количества выпитой им бражки или выкуренного чарса.

Медик-лейтенант вколол Сергею промедол¹, потом какое-то седативное средство, чем-то обильно всего намазал, уложив на кровать. И через минуту Пожидаев спал мертвым сном. Пропал он аж до вечера. Почему аж? Да потому, что вечера следующего дня, т. е. спал он около полутора суток. Ему повезло, он получил 2-ю степень ожога, хотя в процентном отношении не очень – 60% тела было поражено, но, опять же, не критично. Лишь местами у него повылазили волдыри, наполненные какой-то жидкостью.

Да, молодость – это круто еще и потому, что Сергей быстро восстановился, и ожог, исчезнув со всего тела, не оставил и следа. И нет худа без добра: за те двенадцать дней, что он провалялся в санчасти, Пожидаев наконец-то выспался, но главное – ему дали двух помощников...

И все пошло своим чередом, в лучших традициях 12-го Гвардейского. Сергей большую часть работы взвалил на двух новых поваров. Хотя они были одного призыва и звания с Пожидаевым, но почти три месяца, проведенные на кухне, давали ему авторитет и привилегии. Да и сам зампотыл объявил вновь прибывшим на кухню, что он будет у них старшим. У рядо-

вого Пожидаева появилось свободное время, и это не ускользнуло от внимания прапорщика Гуляева, хронического алкоголика и стукача с наклонностями лизоблюда.

1

Промедол

—

сильнодействующее обезболивающее средство.

64

Гуляев имел ярко выраженное пристрастие «сидеть на рации»¹ и лизнуть всякого, кто хоть немного выше его по званию или должности. Прапорщик с таким качеством мог бы подняться до небес и сидеть где-нибудь в дивизии, на центральном складе, под кондиционером, воруя продовольствие КамАЗами. Но большая любовь к горячительным напиткам, как кандалы, держала его возле земли. Хотя должность заместителя начальника столовой капитана Ковалева – это тоже не хухры-мухры,

и ее даже можно сравнить с бреющим полетом над землей. На тот момент он был прямым командиром Сергея и в при-

казном порядке сказал ему вернуться в палатку на прачку, в общем, он явно не любил Пожидаева. Да и вообще, прапорщик ненавидел весь белый свет и при любом удобном случае подставлял кого-нибудь или напрягал. Пожидаев платил ему тем же: органически не переваривал Валеру Гуляева. И дело даже не в том, что прапорщик тогда ударил его, когда не мог попасть

в подсобку. Сергей этого даже и не помнил. А в том, что в свои восемнадцать он первый раз в жизни встретил такого подлого человека. Там, в грезях Пожидаева, под сенью вишен, тоже были ссоры, обиды, драки, но там все это было «по честноку» и не было этих интриг, этой низости...

Война, как лакмусовая бумажка, определяет, кто есть кто, и, как катализатор, возводит в степень темные или светлые стороны человека. Из маленьких подлецов, способных на небольшую пакость, она возвращает стервятников, не гнушающихся ничем, даже человеческой жизнью, для достижения своих меркантильных целей. И, наоборот, из людей, способных делать хорошие дела, она выкристаллизовывает Человека с большой буквы, способного действительно на настоящий поступок, вплоть до самопожертвования ради других.

И, когда Сергей, вернувшись домой, в очередной раз смотрел прекрасный советский фильм «Белорусский вокзал», где поют и плачут, встретившись после долгих лет разлуки, быв-

шие однополчане, командиры и подчиненные, то он поймал себя на том, что если он встретит Валеру Гуляева, то как минимум заедет ему в морду, хотя с тех пор прошло почти тридцать лет и прапорщику уже далеко за шестьдесят...

1
Сидеть на рации
—
стучать.

65

Гуляев прекрасно осознавал, чем обернется для Пожидаева его приказ. И речь тут идет вовсе не об армейской дисциплине, а о дедовщине, которая очень хорошо была встроена

в военную машину 12-го Гвардейского полка. Хуже всего то, что прапорщик это делал намеренно, типа для профилактики, чтобы не расслаблялся поваренок. Как говорится, должен быть порядок: каждый сверчок знай свой шесток. Просто подлая натура этого человека получала моральное удовлетворение, когда кому-то было плохо, и его разум, практически полностью съеденный алкоголем, как у животного, инстинктивно стремился унижать своих подчиненных, чтобы на их фоне казаться выше.

Отработав смену, Сергей вернулся в палатку на прачке. Войдя в нее, он как ни в чем не бывало прошелся по продолу и сел на свою кровать, на которой не сидел больше двух месяцев. Даже в приглушенном свете он краем глаза видел, как, вытаращив шары из орбит, на него смотрели кладовщики, прачки, писари, банщики и прочая гоп-компания, загасившаяся на отшибе полка.

Вообще-то, войска искренне ненавидели всю эту «гоп-компанию», резонно полагая, что им выпала халюва и все тяготы армейской службы в боевых условиях они скинули на них, при этом снимая все сливки от войны. Не секрет, что все писари, кладовщики, банщики домой возвращались как минимум с медалью «За б/з»¹. Участвуя в разграблении различных складов вместе со своими командирами, они неплохо набивали карманы афощками² и на дембель тащили баулы шмоток не меньше, чем у офицеров. Ежедневное облизывание своих командиров давало им возможность выезда с ними в Герат на шопинг в дуканы, что было табу для обычного солдата. Они еще имели много маленьких, но очень приятных привилегий, которые и не снились какому-нибудь младшему сержанту, стоящему в карауле на пятидесятиградусной жаре и глотающему раскаленную пыль, поднимаемую афганцем³.

1

«За б/з»

—

медаль

«За боевые заслуги».

2 *Афошки, афгани* – местные деньги.

3 *Афганец* – ветер, который ежедневно в летнее время поднимался примерно с 10 утра и стихал ближе к 7 вечера, различной интенсивности: от легкого бриза до урагана.

66

Но у всей этой братии абсолютно не было обратной дороги назад: в войсках их зачмолят по-любому, независимо от того, дембель он или чиж. Другой вариант для них там не был предусмотрен. Вернувшись домой, Сергей увидел, как именно эта публика гнет пальцы и рвет рубахи на груди, говоря, что мешками свою кровь проливали в Афгане, тыча боевыми медалями, к которым они на самом деле никакого отношения не имеют. А те, кто действительно хапнул по самое не хочу, предпочитают молчать и уходить от расспросов на данную тему, лишь иногда, хорошо закинув за воротник, выдавить из себя пару пьяных фраз и тут же осесться.

Вот такой ОКСВА наполнял палатку на прачке. И местные старослужащие играли по правилам войск, изображая из себя дембелей, дедов и черпаков, гоня тамошних чижей. В заповедной дедовщине в полку была хоть какая-то честность: солдаты, обремененные тяжелыми условиями быта, службы, голодом и войной, вымещали ее на молодых, а тут она была нелепой. И все же вопреки всему она там была. Повара с кладовщиками совсем недавно примкнули к этой братии по приказу нового замполита Фурса, и их неприкасаемость была снята с них, потому что местная гоп-компания и так неплохо жила.

– Э-э... Ты что, попуталь? Кто тебе разрешал садиться на шконарь? – вставая с кровати и направляясь к Пожидаеву, спросил его узбек по имени Назим.

Он был банщиком, дедушкой и почему-то авторитетом на прачке, хотя его физические данные были весьма далеки от совершенства. Назим был довольно высок, но узок в плечах, с которых свисали тоненькие руки. Его впалая грудь сразу за диафрагмой резко переходила в живот, похожий на футбольный мяч, который несуразно торчал, напоминая о голодных детях в Африке. Все это венчала треугольная голова, приплюснутая в районе затылка. За те две недели, прожитых на прачке, после коих Пожидаев пропал оттуда больше чем на два месяца, он помнил, как Назим постоянно «делал на бицепс» самодельной гантелей, и сейчас, смотря на него, Серый видел: это ему не помогло.

– Приказ прапорщика Гуляева вернуться в расположение, – ответил Сергей, прекрасно понимая, чем закончится этот раз-говор.

67

– А садиться на шконарь тоже приказаль? – приблизившись вплотную к Сергею и смотря на него сверху вниз, продолжил задавать вопросы узбек.

– Нет, это следствие приказа, – продолжая сидеть, парировал Пожидаев глупый вопрос.

– Что-то я за последние два месяца даже вонючей банки рыбных консервов здесь не наблюдал, – вмешался в разговор прачка Миша и перевел свое тело на кровати из горизонтального положения в сидячее. – И вместо того, чтоб попросить прощение за то, что не уделял внимание, поварешка умничает. На что это похоже, Назим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.